Руслан Бедов

Лавка богов

из жизни Патриарха

Руслан Бедов
Лавка богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611772
ISBN 9785447416218

Аннотация

Историко-приключенческая повесть, повествующая о жизни библейского патриарха Авраама и его жены Сарры на основании повествований Ветхого Завета и рассказов устной еврейской традиции «Книги юбилеев».

Содержание

Книга первая 6
Глава первая. Вместо пролога. 6
Глава вторая. 14
Глава третья 23
Глава четвертая 32
Глава пятая 41
Глава шестая 48
Глава седьмая 55
Глава восьмая 63
Глава девятая 70
Глава десятая 78
Глава одиннадцатая 85
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Лавка богов из жизни Патриарха

Руслан Бедов

© Руслан Бедов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Терах жил семьдесят лет и родил Аврама, Нахора и Арана. Вот родословие Тераха: Терах родил Аврама, Нахора и Арана. Аран родил Лота. И умер Аран при Тераху, отце своем, в земле рождения своего, в Уре Халдейском. Аврам и Нахор взяли себе жен; имя жены Авpамовой: Сара; имя жены Нахоровой: Милка, дочь Арана, отца Милки и отца Иски. И Сара была неплодна и бездетна. И взял Терах Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там. И было дней [жизни] Тераха двести пять лет, и умер Терах в Харране.»

Книга Берешит

«Что нам за помощь и услаждение от всех идолов […], что ты поклоняешься им? Ибо в них совсем нет духа (души); но они, которых вы почитаете, суть проклятие и соблазн сердца. Почитайте Бога небесного, Который низво-

дит на землю дождь и росу, и все совершает на земле, и все сотворил Своим словом, и вся жизнь пред Его лицем! Зачем вы почитаете тех, которые не имеют духа? ибо они нечто сделанное, и на своих плечах вы носите их, и не имеете от них никакой помощи, но они служат великим поношением для тех, которые делают их к соблазну сердца и почитают их. Не почитайте их!»

Книга Юбилеев

Книга первая

Глава первая. Вместо пролога. 1782 г. до Рождества Христова

Даже в самых ужасных ночных кошмарах Терах не мог себе представить, что с ним может случиться такое. Никогда еще он не чувствовал столь сильного давления и почти животного страха перед окружающим миром, как сейчас.

Здесь, в царском дворце, уже много лет Тераху были знакомы каждая комната и самый укромный уголок; он знал здесь по имени каждого раба. Каждая сплетня и тайна, как бы она ни скрывалась, непременно становилась известной ему благодаря верным осведомителям. В глазах правителя Терах обладал почти безраздельным авторитетом и никто и ничто не могло поколебать его. По-крайней мере так он полагал…

Как же он мог пропустить удар? Где совершил ошибку? Ответы на эти вопросы он пока не знал, но в чем бы не заключалась причина столь неожиданной немилости монарха, дворец стал теперь чужим и враждебным. Взгляды придворных, рабов и даже фрески на стенах таили в себе угрозу. Отсюда хотелось скорее убежать как можно дальше и больше

не возвращаться. Но дворец не хотел отпускать Тераха просто так. Он требовал жертвы, расплаты за свою былую благосклонность, жаждал крови и смерти. Терах был уверен, что куда бы он ни бежал, все равно, рано или поздно, ему придется отдать…

Правитель возвышался словно гора, готовая вот-вот обрушиться в сокрушающем гневе. Глаза этого страшного человека смотрели на Тераха из-под густых нахмуренных бровей, внушая ему беспомощность и страх.

– Разве у меня нет выбора, мой повелитель? – едва слышно задал вопрос Терах, не смея поднять голову.

– Выбор есть всегда, – басом прогудел правитель, продолжая сверлить ненавистным взглядом своего бывшего фаворита, – только не стоит выбирать противление воле богов. Они могут прогневаться, и тогда тебе не поможет никто, даже я.

Терах поднял голову и увидел за спиной правителя Тасида, жреца богов Нанниру и Исина, покровителей великого Ура. На его лице играла самодовольная ухмылка. Что ж, эта хитрая лиса сыграла на этот раз удачную партию. Уже который год жречество жаждало власти и на горе многих получало ее, ниспровергая всех, кого считало своими врагами. Терах на свою беду оказался одним из них. Он знал, что теперь, когда он в опале, ни у кого из окружения правителя ни здесь в Уре, ни в Баб-или нет желания ему помочь. В одно мгновение он стал никем. Такова судьба придворного…

– Эта жертва умилостивит великих богов Сенаара и принесет процветание Уру и твоему дому.

– Но это же мой сын… – пролепетал Терах.

– Это не единственный твой сын, – уже гремел голос правителя откуда-то сверху, – ты еще молод, и боги не обидят тебя потомством. Конечно, если ты их не разгневаешь собственным упрямством…

От осознания собственного ничтожества и бессилия Терах уже ничего не видел вокруг себя, кроме тени правителя. Ему хотелось испариться с места, на котором он стоял, как можно быстрее.

Тем временем, судя по всему, буря утихала. Правитель перестал гневаться на своего слугу и почти по-дружески положил обе руки на его опущенные плечи:

– Завтра последний день, когда благословенная жертва должна быть посвящена богам, Терах, – будничным тоном произнес он, – если к полудню ты сам не решишься самостоятельно исполнить волю всезнающих, за ним придут.

С этими словами правитель сделал жест, который означал, что самая страшная и роковая аудиенция в жизни Тераха закончилась. Впереди самая ужасная для него ночь. Выйдя на дворцовый двор, где раздавался конский топот и бодрые голоса стражников, Терах несколько раз вдохнул наполненный пылью знойный воздух, и, будучи не в силах больше держаться на ногах, опустился на нагретый солнцем каменный парапет. Окружающий мир перестал существовать.

В его ушах все еще не стихал голос правителя: «Если к полудню ты сам не решишься самостоятельно исполнить волю всезнающих, за ним придут…». Придут за его сыном… Заберут его на смерть… На глазах у Тераха навернулись слезы и он зарыдал как ребенок. Так сидел он, сотрясаемый горем, оставленный всеми, пока солнце не скрыло свой лик за изрезанным домами и деревьями горизонтом и дворцовую площадь не покрыли вечерние сумерки.

Когда Терах наконец, поднял голову, его окружала ночная темнота. Черное небо затянули тучи, сильный, порывистый ветер был холодным и продирал до самых костей. Пройдя мимо почтенно склоненных перед ним стражников, Терах оказался за воротами царского дворца. Первым его побуждением было зайти в ближайшую харчевню и залить отцовское горе вином. Но он удержался от искушения – вот уже третий день в городе все, от нищенки до заезжего купца, обсуждали бедного опального чиновника, вынужденного принести в жертву собственного сына. Поправив на себе дорогие одежды, сохраняя величественную осанку и моля богов о том, чтобы никто из знакомых не повстречался ему сейчас на пути, Терах зашагал к своему дому.

Дом. Его он построил немного больше года назад на щедрый подарок правителя. Тогда Терах думал, что в этом доме на многие годы поселятся благополучие и счастье…

Амкелин встретила мужа на высоком крыльце с массивными каменными поручнями, на которых искусный худож-

ник вырезал жутковатые лики сенаарских богов. Увидев их изображения, освещенные тусклым светом факела, Терах невольно вспомнил, что его жена была против изображений «идолов», как она выражалась, в их доме. «Чужие» боги принесут несчастье – говорила Амкелин. Ее пророчество исполнилось.

– По выражению твоего лица вижу, что ты принес недобрые вести, – тихо произнесла Амкелин, когда Терах подошел ближе.

Он остановился возле высокой лестницы и, разглядывая барельеф на перилах, молчал. Ему не хотелось говорить. Но бессилие, которое одолевало его душу в присутствии правителя, странным образом превратилось в ожесточенность и злость в присутствии жены.

– Они прогневались на нас, – глухо произнес он, не смотря на Амкелин.

– Кто прогневался? – не поняла та.

– Те, кто сохраняет наш дом. Ты прогневала их своим неверием! – голос Тераха сорвался на крик. Его глаза теперь в упор смотрели на Амкелин, готовые испепелить женщину. Уязвленное мужское достоинство требовало возмездия…

Вид Тераха в тот момент был действительно страшен. Этого крепкого и по-богатырски сложенного мужчину испугался бы всякий, кто увидел бы. Всякий, но не его жена. Она по-прежнему смотрела на мужа сверху вниз, и в ее взгляде Терах прочел только холодный металл презрения, что еще

больше его взбесило. Он молнией взлетел вверх по лестнице и навис над маленькой хрупкой Амкелин. Но женщина даже не шелохнулась.

– Ты не веришь в богов, Амкелин, потому что считаешь себя самой умной, – взревел Терах, – ты всегда смеялась над моей верой и над верой моих предков, презирая наши традиции и вековые устои, теперь пришла расплата! Боги разгневались и теперь забирают нашего младшего сына!

– Боги никого не заберут, – невозмутимо ответила Амкелин.

– Наверное, твой неведомый бог, в которого ты веришь, спасет его! – с сарказмом произнес Терах.

– Они не заберут нашего младенца, – продолжала говорить женщина, – потому что ты его не отдашь. Ведь они мертвы. Ничего не слышат и не видят. Одно слово – камень и дерево!

Терах только устало покачал головой. Его злость вдруг неожиданно куда-то улетучилась. Сейчас он почувствовал, как он устал.

– Тем не менее, завтра за ним придут, – произнес он.

– Если ты пожертвуешь собственным сыном ради прихоти этих негодных людей, я прокляну тебя и умру, – прошипела Амкелин, – и проклятие мое не покинет дух твой и после смерти…

До уха Тераха донесся детский плач.

– Абрам плачет, – сказал он, – как ты могла оставить его

одного?

В ответ Амкелин только насмешливо усмехнулась:

– Это не Абрам. Рабыня твоя сегодня после полудня родила сына…

Вдруг глаза Тераха сверкнули недобрым блеском. На короткое время он отвернулся от жены и стал о чем-то напряженно думать.

– Нам надо бежать, Терах, – едва сдерживая слезы, произнесла Амкелин, положив ладони на широкие плечи мужа, – Шем давно зовет нас с собою в Ханаан из этого зловонного места. Если ты желаешь, чтобы твой младший сын остался среди живых…

Терах снова повернулся к жене и насмешливо посмотрел на нее. В выражении его лица и глаз женщина не увидела ни капли растерянности или отчаяния. Терах как и прежде казался самоуверенным и гордым, будто его сыну больше ничего не угрожает.

– Куда нас зовет Шем? – с сарказмом спросил он, – в пустыню в окружение полудиких племен? Кто, позволь спросить, защитит этого юродивого старика от кишащих в Ханаане врагов? Уж не он сам возьмется за меч? – Терах рассмеялся, но его смех показался Амкелин несколько неестественным. Она силилась предугадать, что именно задумал ее муж, почему его настроение столь резко изменилось в лучшую сторону. Однако женщина знала, что спрашивать бесполезно – ничего, кроме замысловатых фраз и отговорок

она сейчас не добьется. Оставалось дождаться утра и молить Всевышнего, чтобы Терах не совершил очередное безрассудство.

– Я тебе не раз уже говорила, что воля Единого в том, чтобы мы покинули Ур и отправились на запад, – едва слышно сказала Амкелин.

Терах поднял подбородок жены средним и указательным пальцем правой руки и медленно, словно он разговаривал с малым ребенком, произнес:

– Пока я жив в моем доме будет исполнятся воля сенаарских богов, Амкелин. Это ты слышала от меня также не один раз. Чужеземному богу нет места в сердцах и жилищах благородных обитателей Великой Долины.

– Единый – не чужой бог, – возразила Амкелин, хотя хорошо понимала, что смысла в этом споре нет – Терах слишком самоуверен и горд, чтобы прислушаться к чьему-то другому голосу, кроме своего собственного, – Его воля непреклонна и всегда исполняется!

– Ну что ж, пускай докажет мне лично свое могущество, – с ехидной улыбкой произнес Терах и ушел в дом…

Глава вторая.
Семнадцать лет спустя

Амкелин вздрогнула и проснулась от сильных болей во всем теле. Женщина знала – болезнь вернулась и на этот раз уже не отпустит ее. Все тело болело так, словно его сильно поколотили палками. Голова раскалывалась, мысли, застигнутые врасплох неожиданным пробуждением, в смятении метались в воспаленном от болезни сознании. Хотелось пить, однако не только встать, а даже протянуть руку к кружке у нее не было сил. Она облизнула пересохшие губы и повернула голову в ту сторону, где на охапке прелой соломы спал ее сын. Единственный из трех, кто остался рядом с ней сейчас.

Амкелин чувствовала приближавшуюся к ней смерть, но понимала, что не готова умереть. В ее душе по-прежнему оставалось то, чем она должна была поделиться с сыном. Это надо было сделать как можно быстрее. Прямо сейчас. Возможно, ей отпущено лишь несколько часов. Женщина попыталась позвать Абрама, но язык оказался не в состоянии справиться со словами, поэтому из ее уст вырвался еле слышный стон. Она не надеялась, что Абрам услышит ее, потому что тот обычно спал крепко, и разбудить его было нелегко.

Но Абрам откликнулся сразу. Он не спал, с тревогой при-

слушиваясь к неровному хриплому дыханию матери. Уже несколько месяцев она лежала без движения, пораженная сильным неведомым недугом, с которым не мог совладать ни один местный знахарь. Второй день подряд они сидели на заплесневелых от давности лепешках и воде, которую Абрам каждое утро носил из пересыхающего колодца. Так было, потому что полгода назад отец в очередной раз разорился на одной из своих нечистых сделок, потеряв дом и даже самое необходимое имущество. Во всем он почему-то обвинял Амкелин, хотя та неоднократно со слезами предупреждала его об опасности. Теперь же, Терах неделями не появлялся дома, не работал, занимаясь, в основном разбоем или попрошайничеством. Когда мать Абрама была здорова, она подрабатывала прачкой в доме одного знатного вельможи, поэтому хлеб и вино всегда водились в доме. Но теперь, когда она заболела, голод стал частым гостем в их убогой халупе. Тех жалких грошей, которые он, подросток, зарабатывал, тягая тюки с товарами на пристани, едва хватает, чтобы прокормиться. Абрам стал хуже спать, с ужасом представляя себе будущее, умоляя всех известных ему богов, чтобы они смилостивились над его семьей и послали благополучие. Абрам не был уверен, слышат ли его просьбы те, к кому он обращается, но с каждым днем его молитвы были все горячее и пламенней. Он каждый раз обещал богам щедрые подарки, если те помогут его семье, думая, что это должно сделать их более сговорчивыми. Но боги медлили. Абрам не знал почему.

То ли он мало обещал им в благодарность, то ли боги все это время были заняты другими, более важными, чем у него делами, и им было не до его ничтожных просьб, но ничего не происходило. Отец считал, что если бы мать перестала изображать из себя больную, то могла бы вполне пристойно обеспечить себя и собственного сына, а он, Терах не станет унижаться до того, чтобы от зари до зари батрачить на привередливых и жадных толстосумов. Когда-то боги снова должны вспомнить о нем и снова вернуть к нему благорасположение правителя и жрецов.

Но матери становилось с каждым днем хуже и хуже, и в душу Абраму закрадывался липкий и ледяной страх. Каждую ночь он с волнением прислушивался, – дышит ли она? Страх ее смерти, граничащий с ужасом, не давал сна усталому сознанию юноши.

Абрам услышал хрип матери и тут же вскочил на ноги. Прочтя по губам о мучавшей ее жажде, мальчик бросился к кадке с водой. Когда Амкелин, наконец, напилась, то почувствовала, что может говорить:

– Сын мой! – еле слышным голосом позвала она.

– Я здесь, мама, – отозвался Абрам, присаживаясь на постели матери и с состраданием смотря на нее.

– Отец не приходил, когда я спала? – спросила она.

Абрам отрицательно покачал головой:

– Его не было со вчерашнего утра, – ответил он, тяжело вздохнув, – соседка говорит, что видела его пьяным на окра-

ине города возле леса. Он был похож на животное…

– Я тебе должна кое-что рассказать. Это очень важно, – прервала сына Амкелин.

– Я слушаю, мама, – тихо произнес мальчик.

– Ты должен это узнать до того, как я умру, а мне, поверь, сынок, осталось не так уж и много. До того, как ты родился, твой отец был влиятельным вельможей в Уре. У него была жена, которая родила ему Арана и Нахора. Он всегда ее любил больше, чем меня, – Амкелин горько усмехнулась. Ее затуманенный болезнью взор был обращен в прошлое, – что для него молоденькая девчушка, какой я тогда была? Средство для утоления похоти, и ничего больше. То, что я забеременела тобой, для него было неприятной неожиданностью. Только собственная репутация заставили его взять меня в жены. Но самое страшное произошло через три года после твоего рождения…

Амкелин закашлялась и Абрам увидел капельки крови брызнувшие на его рубаху изо рта матери.

– Мама…

Вдруг в дверь громко постучали.

Абрам поднялся на ноги, посмотрел на дверь затем на продолжающую кашлять мать, и затем подал ей воды. Он знал, кто стучит в дверь, поскольку слышал шаркающие шаги отца, когда еще тот брел по дороге, его хриплый голос. Однако Абрам не спешил открывать двери пьяному отцу, поскольку знал, что последует потом. Отец отшвырнет его

в дальний темный угол их убогого жилища и как обычно набросится с кулаками на больную мать. По мере того, как стук ставал все более настойчивым, а проклятия за дверью все более угрожающими в душе у Абрам назревала буря.

Злость, неожиданно поднявшаяся из глубин его естества, овладевала душой. Раньше, повинуясь увещеваниям матери, Абрам старался брать себя в руки и загонял бурлящие эмоции на задворки сознания, но теперь он более не находил в себе сил сдерживаться. Накопленный за последние годы груз обиды и ожесточения против собственного отца властно рвался наружу, требуя немедленного удовлетворения.

Абрам посмотрел на худощавое мертвецки бледное лицо матери, еле видное в желтоватом свете луны, бесстрастно взирающей на страдалицу через маленькое окно. Ее темные, наполненные страданием и страхом глаза, с нездоровым блеском были устремлены на него. Обескровленные губы едва заметно шевелились, силясь продолжить рассказ.

Сердце Абрама сжалось от боли. Он искренно верил, что боги все-таки не оставят его мать, но она слабела прямо на глазах, будучи уже не в состоянии даже говорить.

Абрам поднялся со своей соломенной постели и шагнул к двери, сотрясаемой от ударов. Неведомо откуда в его руках появилась увесистая палка. Дрожащими от возбуждения пальцами Абрам отодвинул тяжелую металлическую щеколду. Дверь распахнулась, и Абрам увидел перед собой сгорбленную фигуру отца. Терах, одетый в жалкие лохмотья, по-

качиваясь, стоял на пороге собственного дома и мутными глазами смотрел на сына. Абрам напрягся, ожидая привычного обращения, в решимости дать отпор агрессору, даже если это будет ему грозить осуждением и смертью. Он знал, что должен сейчас защитить мать. Но Терах продолжал стоять за порогом и смотреть на Абрама.

– Почему долго не открывал двери? – раздался приглушенный рокот из запутанной грязной бороды отца, – неужели я должен разбудить целую улицу, для того, чтобы попасть в собственный дом?

– Все спали. Уже поздно, – выдавил из себя скупую фразу Абрам. Он не любил разговаривать с нетрезвым отцом. Воняющий потом и прокисшим вином, он внушал мальчику непреодолимое чувство гадливости и презрения. Обычно Терах чувствовал это, злился и часто жестоко избивал Абрама.

Абрам решил больше ничего не говорить, но продолжал стоять напротив отца с палкой в руке. Его глаза из-под опущенных бровей сверкали в темноте воинственным огнем. Мальчик ждал нападения, чтобы оказать сопротивление. Но прошло несколько минут, а отец и не думал бросаться на сына с кулаками как обычно. Грянул гром и на голову Тераха хлынул ливень, однако тот не тронулся с места, пристально всматриваясь в Абрама. Мальчику на какое-то мгновение даже показалось, что отец уже совсем не пьян, – дождь отрезвил его, но по-прежнему оставался на месте, не осво-

бождая отцу дорогу в дом. За спиной донесся слабый стон матери. Наверное, ей стало холодно, или она боялась за него, Абрама? Абрам еле сдержался, чтобы не заплакать. Что же делать? Закрыть двери перед носом отца или впустить его в дом? И в том и в другом случае, Абрам был уверен – их с матерью не ждет ничего хорошего…

– С палкой встречаешь отца, Абрам? – вдруг раздался знакомый голос за спиной у Тераха, и Абрам вздрогнул. Его сердце радостно забилось. Это был его брат Нахор. Чуть больше года назад его забрали в ополчение. Набонид, правитель славного города Ура, ведущий нескончаемые войны с соседями, всегда нуждался в свежих воинских пополнениях для своей армии. И вот, он дома. Живой. Абрам бросил палку и кинулся на показавшегося в дверях брата с радостным воплем. Богатырская фигура Нахора почти полностью заняла небольшой дверной проем хижины.

Терах посторонился, давая возможность Нахору пройти, и молча наблюдал за встречей своих сыновей. После смерти первенца для него словно погасло солнце, перестали светить звезды, рождать земля и даже сам воздух казался ему отравленным болью невосполнимой утраты. Но все это время Терах, почему-то, совсем не осознавал, что у него есть еще двое сыновей: Нахор, доблестный и умелый воин, и Абрам, часто задумчивый, но трудолюбивый и любящий свою мать мальчик. Разве ради них не стоило продолжать жить, глядя на сыновей, вдруг подумал Терах. На его потрескав-

шихся губах впервые за последние полгода появилось нечто, отдаленно похожее на улыбку. Появилось и сразу исчезло. Перед затуманенным взором предстал Абрам, его младший сын, с увесистой дубиной в руках и недвусмысленными намерениями во взгляде.

Откуда-то из груди поднялась волна гнева и негодования. Как мог этот сопливый мальчишка даже помыслить о том, чтобы поднять руку на собственно отца?! Да знает ли он, что бывает за такое…

Терах, даже сам не зная почему, осекся, усилием воли прервав бурный поток эмоций. Кажется вчера, какая-то женщина, встретившая его на улице, обезумевшего от выпитого им дешевого прокисшего вина, прорекла, что ждет его, Тераха, если он не образумится и снова не станет добропорядочным семьянином. Конечно же, сейчас семья не в моде, но боги, в отличие от людей, не следят за модой, они обязательно покарают. Терах с содроганием в теле вспомнил, как наполнилась его душа ужасом, каким реальным показалось ему пророчество незнакомой женщины, встретившейся ему на пустынной сельской дороге. Он, помнится, мгновенно протрезвел и поклялся грозным богам, что с завтрашнего дня вернется к нормальной жизни, пойдет на работу. Но на следующий день Масал приказал работникам выгнать его взашей, грозно предупредив, чтобы Терах больше не появлялся к нему на глаза. Новой жизни не получилось, и Терах одолжив денег, снова напился проклятого кислого вина.

Он был страшно зол на себя и на богов за то, что лишился работы, сыпал проклятиями и был полон решимости выместить все зло на больной жене и Абраме. Однако возле самого порога Терах увидел Нахора. Возвращение его среднего сына спасло его семью от очередной громогласной семейной сцены, о которой на следующий день судачил бы почти весь Ур. Так разве мог ли он, Терах судить Абрама? Не должен ли он прежде осудить себя?

Терах тяжело вздохнул, чем привлек внимание сыновей. Нахор выпустил из богатырских объятий брата и обернулся к отцу.

– Вижу, что благословенный ливень, ниспосланный богами, вернул тебе трезвый рассудок, отец, – тихо произнес он, – не желаешь ли пригласить меня к себе в дом?

Глава третья

Терах первый проковылял к могиле и склонился над прахом матери. Нахор и Абрам молча стояли в отдалении, ожидая, когда отец попрощается со своей женой. Случилось то, чего так страшился Абрам. Спустя несколько дней, после приезда Нахора, матери стало совсем плохо и однажды утром, Абрам взяв ее ледяные пальцы, понял, что ее больше нет в живых. За день до этого Нахор ходил в храм и принес богатые жертвы Наннару, покровителю Ура, утверждая, что это могущественное божество, защищавшее от бед целый город, сможет спасти от неизлечимой болезни и его мать. Однако Наннару не помог – мама все равно умерла. Убитый горем Терах ругал, на чем свет стоит, своего среднего сына, упрекая его в том, что обращаться надо было к Сину. Нахор ничего не отвечал отцу, только молча ходил из угла в угол и о чем-то думал. Тогда Абрам подумал, что вообще нет смысла обращаться к богам. Они ведь все равно не хотят помогать. Неужели они настолько безразличны к людям, которые строят для них величественные храмы и приносят богатые жертвы. Почему они не захотели исцелить его мать? Или не смогли?.. Абрам не знал, как ответить на эти вопросы, поэтому поклялся всем известным и неизвестным ему божествам, что больше никогда не станет у них что-либо просить.

– Для отца смерть матери большая потеря, – помолчав,

добавил он, наблюдая за отцом.

Абрам взглянул на брата и хотел ответить, но передумал и только передернул плечами. «Навряд ли – с горечью в сердце подумал юноша, – отец никогда не любил мать. Я-то хорошо знаю».

Нахор заметил движение Абрама и внимательно на него посмотрел.

– Тебе не следует осуждать отца, – сказал он, – людям свойственно ломаться, если их постигает чрезмерное горе.

Абрам отвел глаза от пытливого взгляда старшего брата.

– Что теперь будет? – спросил он, с болью наблюдая за тем, как пламя пожирает останки его матери, – ты снова уйдешь на службу, а я останусь здесь совсем один.

– Отец будет с тобою, – возразил Нахор.

В ответ Абрам с тоскою посмотрел на него и, махнув рукой, убежал.

Его душили слезы, рыдания разрывали грудь, тоска съедала его душу, и он не знал, куда надо деться, чтобы прекратить эти нестерпимые мучения. Неужели он, Абрам, теперь обречен на одиночество? «Отец будет с тобою». Слова брата глубоко врезались в память и были насмешкой над ним. О чем думал Нахор, его родной брат, когда говорил это? Неужели он не понимал, что отец не способен быть для него, Абрама, надежной опорой? Неужели Нахор не понимает, что отец, вместо того, чтобы самому зарабатывать деньги, будет требовать от своего младшего сына еще больше вкалывать,

чтобы обеспечить его, как он это делал с матерью? Неужели Нахор столь непроницателен и бесчувственен. Ему-то что? Армия хоть и не мед, но, по крайней мере, не нужно заботиться о хлебе насущном. Лучше погибнуть в схватке с врагом, чем медленно умирать от голода и стыда, словно собака.

Абрам бежал, куда глядят глаза, пока совсем не выбился из сил. Когда, тяжело дыша, он опустился на землю и огляделся, то обнаружил себя далеко за городом. Только острая вершина зиккурата, стоявшего посреди Ура еле просматривалась на туманном горизонте. Огромное багровое солнце медленно и величественно заходило за горизонт. Становилось холодно. Абрам обхватил руками колени, опустил голову и заплакал. Здесь, в дали от людей и богов он наконец мог себе это позволить после всего, что случилось. Он мог отвести душу без опаски быть застигнутым врасплох сверстниками, отцом или братом.

Брат. Когда Абрам был еще маленьким, он больше всего любил играть именно с Нахором. Друг с другом они были более близки чем с отцом или матерью. Теперь спустя почти год, когда Нахор вернулся домой, Абрам понял, что его любимый брат изменился. Он даже не мог точно сказать, что именно изменилось. Жесты, взгляд, слова. Нахор стал жестким, иногда даже грубым, неспособным к сочувствию. Абрам знал, что служба в войсках Набонида, правителя великого города Ура, сделала его брата таким. Нахор наверняка убивал, покалечил жизни многих людей, принес бесчис-

ленное количество жертв безразличным богам. Все это, безусловно, отложило ощутимый отпечаток на характере Нахора. Абрам в полной мере ощутил собственное одиночество и бессилие против окружающего мира. Он потерял мать, отец им почти не интересовался, и теперь, когда Абрам подумал о брате, понял что и Нахора, того Нахора, которого он знал в детстве, тоже потерял. Он остался совсем один. Что будет дальше? Этот вопрос Абрам задавал себе миллион раз, и чем больше он звучал в сознании тем сильнее ощущалось одиночество и бессилие.

Абрам мог только плакать. Он плакал долго, однако его это мало волновало. Для него время как будто бы остановилось. Наступила холодная ночь. Пронизывающий ветер, гулявший по долине, пробирал до костей и заставлял тело дрожать мелкой дрожью. Надо было возвращаться в город, домой, но Абраму не хотелось, поскольку он хорошо понимал, что никакого дома у него на самом деле нет. А нищенская хижина и отец – это не дом, это пытка. Так зачем же возвращаться?

Вдруг Абрам почувствовал, будто кто-то прикоснулся к его плечу, от чего по спине пробежали мурашки. Вначале он подумал, что это ночной холод делает свое дело, и не мешало бы согреться. Неподалеку есть пещера, где в дали от посторонних глаз можно развести костер и остаться на ночлег. Однако чувство того, что некто стоит рядом и смотрит на него, не покидало Абрама, а наоборот еще боль-

ше усиливалось. Юноша медленно поднял голову, но вначале ничего, кроме темноты, скупо разбавленной лунным и звездным светом, не увидел. Он встал на ноги и спотыкаясь и оглядываясь побрел в ту сторону, где еще год назад заприметил укромную пещеру.

Там царила кромешная почти осязаемая тьма. Абрам наощупь добрался до охапки полусгнившей соломы и сел. В следующее мгновение он увидел то, что повергло его в шок. Абрама прошиб холодный пот и захватил ледяной ужас. Он не мог шевельнуть даже мизинцем ноги и отвести взгляда от видения, представшего его взору в темной пещере. Это было похоже на бледносерую дымку, напоминающую человеческую фигуру. Она висела в воздухе посреди пещеры, освещая ее небольшое пространство собственным светом. Абрам не смог различить глаз, но хорошо ощущал, что на него пристально смотрят. Теплая приятная волна захлестнула внутренности. Мальчик, сам не осознавая, что делает, стал на колени и поклонился. Когда же снова поднял голову, не увидел ничего, кроме осязаемой пещерной тьмы…

– …просыпайся же наконец, мальчишка окаянный, – раздался над самым ухом Абрама раздраженный голос Нахора.

Абрам открыл глаза и удивленно уставился на брата. Пещера освещалась ярким пламенем костра, разведенного посреди. Нахор сидел рядом и недовольно смотрел на Абрама. Несколько минут братья молча смотрели друг на друга.

– Почему ты убежал? – холодно спросил Нахор, – отец

нуждался в утешении и внимании, а должен был волноваться из-за твоего исчезновения. Мне стоило больших трудов найти тебя здесь.

Абрам протер глаза и сел. Он почти не слушал брата. Перед его глазами стояла до сих пор дымчатая фигура.

«Значит, это был сон» – подумал мальчик и поежился. Все равно было как-то не по себе.

– Он не волновался обо мне, – сказал Абрам и посмотрел на огонь, – отцу нет до меня никакого дела. Я не собираюсь возвращаться домой.

Нахор ошарашено посмотрел на Абрама.

– Почему?

– Я не хочу батрачить на пристани от зари до зари, для того только, чтобы зарабатывать ему на вино.

Нахор встал и, подойдя к костру, подбросил туда немного сухих веток, затем прошелся по пещере.

– Ты должен понять его, Абрам, – после некоторого молчания произнес он.

– А кто-нибудь должен понять меня, – почти закричал Абрам, – пока была жива мать, я итак терпел это достаточно долго. А теперь я не собираясь помирать с голоду, только потому, что отец не может остановиться!

Нахор подошел к Абраму и присел рядом.

– Вы больше не будете голодать, – твердо сказал он и посмотрел в глаза брата.

В руке Нахора появилась небольшая фигурка божества.

Он подал ее Абраму. Тот взял ее, покрутил в руках и снова отдал ее брату.

– Я больше не молюсь богам, Нахор, – произнес он, – от них нет никакого толку.

Нахор покачал головой и сунул фигурку под нос Абраму:

– От богов есть толк, Абрам, – ответил он, – смотри: она хоть и глиняная, но покрыта тонким слоем позолоты. Ее можно продать на рынке.

Абрам вначале непонимающе посмотрел на брата, затем грустно усмехнулся:

– Спасибо за совет, братец.

Нахор приблизился к Абраму и пристально посмотрел ему в глаза:

– Боги бесполезны, если им молиться, это правда, – вкрадчиво произнес он, – зато они могут принести хорошую прибыль, если их продавать тем, кто этого еще не понял. Я научу тебя делать богов и выгодно сбывать их.

Абрам снова взял в руки идола. Видение из сна снова предстало перед его глазами. А может, это был не сон?

Абрам взглянул на брата. Впервые за долгое время его любимый брат был так рядом с ним. В его темных глазах он прочел понимание. Абраму захотелось рассказать Нахору о своем видении, но тут почему-то вспомнил свой последний разговор с матерью. Он решил воспользоваться удобным случаем и удовлетворить свое любопытство.

– Нахор, – сказал Абрам, после того, как брат, не надол-

го отлучившись, вернулся в пещеру с дичью, – правда, что до того, как я родился мой отец был состоятельным человеком?

Нахор, до этого старательно крутивший над пламенем костра на вертеле тушу зайца, остановился и внимательно взглянул на брата.

– Твоя мать возненавидела отца, за то, что тот сделал, Абрам, – тихо произнес он, – хотя лично я никогда не понимал ее ненависти. Ведь отец тогда спас тебе жизнь.

– Что произошло? – горя нетерпением, спросил Абрам.

Но Нахор только отрицательно покачал головой.

– Мы с Араном были свидетелями всего того, что происходило, – старательно выговаривая слова, произнес он, – мы поклялись отцу, что ты никогда не узнаешь о случившимся. Такую же клятву на алтаре Нанниру он вытребовал у твоей матери, однако, как я погляжу, она нарушила ее. Для нее боги Ура никогда ничего не значили.

Абрам передернул плечами и отвернулся:

– Ничего мать мне не сказала. Не успела… – Абрам с трудом подавил рыдания.

– Мне жаль тебя, братец, – вновь принявшись за зайца, сказал Нахор, – мать перед смертью растревожила твою душу, лишив ее покоя, быть может, на долгое время. Одно я могу тебе сказать. Если ты даже и узнаешь правду о том, что произошло, – это тебе ничего не даст. Твоя мать всегда была склонна несколько драматизировать. Она ненавидела нас

и нашу мать за то, что мы поклонялись богам Ура…

– Кому поклонялась она?

Нахор в ответ пожал плечами:

– Отец говорил, что ее дальний родственник из Харрана внушил ей когда-то еще давно какую-то блажь, но я не интересовался душой твоей матери. Ненависть у нас, как ты знаешь, была обоюдная.

– Но ты же не веришь богам, Нахор, – сказал Абрам, пододвигаясь ближе к огню, – почему для тебя так важно не нарушить клятву?

– Я не верю в то, что богам интересны дела людей, – подумав, ответил Нахор, – а клятву я не нарушу, потому, что отец попросил меня об этом. Хорошо, что мать не научила тебя своим верованиям, иначе беда, отступившая от нашей семьи много лет назад, могла бы снова вернуться.

Глава четвертая

В храме было темно и пусто, но это совершенно не угнетало правителя. После привычного многолюдства, суеты, государственных проблем, дворцовых интриг, раскрытия заговоров и прочей мирской грязи Набонид чувствовал себя в храме великого бога Нанниру словно заново рожденным. Только здесь он, хотя на очень короткое время, становился обыкновенным человеком, каким был много лет назад до своего восхождения на престол. Храм был единственным местом, куда правитель заходил без оружия и без охраны, поскольку здесь они не были ему нужны. Под сенью величественных сводов каждый смертный и каждый богоравный правитель мог чувствовать себя в полной безопасности. Никто не осмелится пролить кровь перед лицом могущественного Нанниру. Кроме великой обители Мардука в Баб-или, храм Нанниру в Уре – единственный, где непреклонно соблюдались древние обычаи, куда не проникала бурная река времен и где не дули разрушительные ветры перемен.

Набонид осторожно, почти благоговейно ступал по мраморным плитам храма, отполированным умелыми мастерами до зеркального блеска, и с наслаждением вдыхал аромат священных благовоний. Как редко он бывает в обители Вечности! Правитель подошел к сокрытой в таинственном полумраке статуе Нанниру и оглянулся. Храм был пуст. Никто

не смел нарушить покой правителя великого города Ура, когда тот разговаривает с богами, даже верховный жрец. Набонид по обычаю преклонил одно колено на предусмотрительно положенную перед алтарем атласную подушку и прикрыл глаза.

Нет, он не молился. Перед ним был всего лишь идол – камень, имеющий некую форму. Правитель за всю свою жизнь даже ни разу не удосужился разглядеть, каков же на самом деле этот бог. Судя по всему, Нанниру не был на него от этого в большой обиде, поскольку пока не насылал на царство Набонида никаких бедствий. Правитель великого Ура не верил в то, что Нанниру может гневаться на него. Набонид не верил, что этот и какой-либо другой бог, живущий в Междуречье, гневается или проявляет благосклонность к людям. Боги, которых знал Набонид, всегда молчали и были абсолютно бесстрастны, даже тогда, когда им приносили самые кровавые жертвы или устраивали перед ними грандиозные оргии, («чудеса», которые «творили» жрецы, чтобы позабавить себя и одурачить невежественный народ, не в счет). Набонид давно подозревал, что богам нет дела до страстей человеческих, а в самых потаенных размышлениях даже позволял себе сомневаться в самом их существовании. Поэтому, приходя в храм, правитель никогда не разговаривал с богами. Он вел диалог с самим собой. Храм был местом, где можно было позволить себе непозволительную правителям роскошь, – слышать самого себя. Хотя бы очень короткое

время, но все-таки слышать и понимать. И Набонид пользовался такой редкой возможностью. Несколько драгоценных минут проведенных в полном молчании и самосозерцании невозможно переоценить. Здесь обычно приходили самые великие замыслы, решения, казалось бы, безвыходных ситуаций, умиротворенность, возвращалась уверенность в своих силах. Набонид не верил, что все это – дело рук Нанниру. Уверенность приходила не от бесчувственной холодной статуи, стоявшей перед ним, но откуда-то изнутри, из потаенных глубин его утомленной души. Приходило и освещало разум новым сиянием мудрости и силы. Помогало бороться и быть победителем. Нанниру здесь явно был не причем.

Размышляя об этом, Набнид еле заметно усмехнулся в густую бороду и встал с колен. Он не должен был показывать своего неверия даже главному жрецу. У него не было прав разрушать веру, которую он не создавал. Ведь на этом идоле держалась и его, Набонида, власть, и он должен был заботиться о сохранности этого основания.

– Долго живи, мой царь, – раздался за спиной тихий и торжественный голос главного жреца храма Нанниру. Худощавый высокий человек, облаченный в торжественную одежду жреца, появился неслышно, будто бы материализовавшись из самого храмового полумрака, – я искренне надеюсь, что не потревожил твой покой и не прервал разговора с богами.

– Долго живи, Тасид, – ответил на приветствие правитель.

– Открыл ли тебе Нанниру свою волю, мой господин? –

вкрадчиво спросил жрец, поклонившись Набониду.

С некоторых пор главный жрец Нанниру стал раздражать правителя. Тасид был умен, даже слишком умен. Его бесцветные глаза смотрели на него, Набонида, также пристально и бесцеремонно, как и на любого другого простолюдина, хотя внешне жрец всегда выражал свое почтение. Но Набонид почувствовал в Тасиде соперника, и некоторые донесения верных людей подтверждали истинность этих ощущений. Нужно было только выбрать подходящий момент, чтобы убрать потенциально опасного человека со своего пути. Правитель по опыту хорошо знал, когда именно нужно атаковать, дабы упредить нападение противника. Главный жрец храма бога Нанниру был таким противником.

– Иногда боги также, как и люди бывают скрытны, – ответил Набонид, – их намерения сокрыты во мраке неизвестности.

– Если и существует мрак, так только в нашем разуме, – также вкрадчиво произнес Тасид, – поэтому нам неведомы пути великих богов.

– Уж не думаешь ли ты учить меня разговаривать с богами? – с металлом в голосе спросил правитель. С каждым днем этот высокомерный жрец становился все несноснее. Или он просто задавака, или же за его поведением кроется то, на что ему, Набониду, надо срочно обратить внимание.

Тасид в смирении преклонил колени перед правителем. Его бледное лицо стало еще бледнее и стало похоже на хоро-

шо выбеленное полотно. Наверное, он понял, что несколько перегнул палку. Жрец предпочел ничего не отвечать.

Хотя в Уре, впрочем, также, как и в Баб-или, власть жрецов оставалась поистине огромна, однако существовал некий предел, за который не следовало заходить в отношениях с правителями, какими бы они сейчас слабыми не казались. А Набонид действительно не мог похвалиться репутацией сильного правителя. Несколько больших дворцовых заговоров, лишь каким-то чудом раскрытых Набонидом, не совсем удачные войны с Угарит, – все это значительно подорвало авторитет Набонида в стране. Все это Тасид хорошо понимал, но также ему было известно и то, что армия и наемники все еще оставались верны правителю, а против такого довода нельзя было противопоставить только богов Ура, нужны были доводы посерьезнее. Жрец считался одним из наиболее последовательных защитников правления Набонида, однако отнюдь не брезговал исподволь плести интриги против Набонида с целью получения определенных дивидендов в последствии. В последнее время правитель был так занят войной и заговорами, что совсем не заметил, появления под самим своим боком ядовитой змеи, которой оказался жрец Нанниру в Уре. Так думал сам жрец, однако Набонид был в курсе всего того, что происходит в его ближайшем окружении. Тайные соглядатаи правителя с кропотливостью пчел продолжали собирать по крупицам всю информацию о жрецах и их замыслах, не забывая и о шпионах самих жрецов

на тайных советах Набонида.

Правитель подошел к коленопреклоненному Тасиду и несколько секунд смотрел на жреца. Ему не стоило показывать свою слабость и выходить из себя. В конце концов, ничего крамольного жрец и не сказал.

– Надеюсь, что твой разум, не омраченный правительственными заботами, способен распознавать волю богов, которым ты служишь? – ровным голосом спросил Набонид.

– Все, что в моих силах, повелитель, – глухо ответил Тасид, не поднимая головы.

– Тогда встань и открой мне волю богов, жрец Нанниру, – торжественным голосом произнес правитель, с интересом наблюдая за Тасидом. Интересно, что он сейчас скажет?

– Не гневайся, владыка, – так же глухо ответил жрец, медленно поднимаясь с колен, но, по-прежнему, не смея поднять голову, – но боги и звезды открывают твоим верным слугам не самые радостные вести.

– Говори.

– Богам Ура грозит опасность, – помолчав, сказал Тасид.

Правитель рассмеялся.

– Если и богам в наше время грозит опасность, Тасид, что же говорить о смертных людях? Зачем тогда, скажи на милость, просить богов о покровительстве, когда, оказывается сами боги в опасности?

– Авторитет Нанниру и Исин под угрозой, – терпеливо выслушав издевку Набонида, продолжил Тасид, – древних

богов великого Ура желают сбросить с места их славы и попрать в грязи нечестия. Такое уже было много лет. Повелитель Ура должен быть готов показать себя верным их слугою, дабы не накликать на свое царство их гнев.

– Кое-что я слышал об этом, – задумчиво произнес Набонид, – сын какого-то вельможи показался нашим жрецам демоном. Хе-хе-хе, забавная история. Но скажи, кто же теперь посягает на богов Ура? – с иронией спросил правитель, – пока мне известно только об охотниках на мою собственную голову.

– Я понимаю твое опасение, мой повелитель, но усердие твоих людей должно быть теперь направленно в сторону защиты богов Междуречья, так как им грозит опасность.

Слушая жреца, Набонид нахмурился и внимательно посмотрел на собеседника. То, что он знал о Тасиде, конечно же, правда. Его грязные игры при дворе заслуживают особого внимания, особенно в свете последнего раскрытого заговора. Но сейчас в голосе жреца проницательный правитель уловил нотки, которые не позволяли усомниться в искренности говорящего. Вполне возможно, что Тасид получил какую-то тревожную информацию от богов, звезд или людей, – неважно. Тасид не был пешкой в государственном аппарате Ура. У него уже многие годы сохранялось устойчивое высокое положение при дворе. Много денег и связей, – как обычно у жрецов. И если при всем при этом Тасид просит о помощи, это говорит о многом. Жрец предлагает стабильность

его, Набонида, правления в обмен на помощь. Набонид знал, что Тасид может быть хорошим союзником. Возможно, ему удастся превратить потенциального тайного врага в преданного слугу? Такое случается редко, но тем не менее… Чтобы там не привиделось жрецам и халдеям, необходимо проявить хотя бы вежливое внимание.

– Что-нибудь конкретное можешь сказать?

– Боги немногословны, и звезды скупы на высказывания, ты же знаешь, повелитель.

– Что я слышу от жреца?! – усмехнулся Набонид.

– Осведомители говорят, что сумасшедший Шем снова осмелился появиться в Уре, мой повелитель, – сказал Тасид.

Лицо правителя помрачнело от гнева. Он помнил Шема. Старик не в своем уме неведомо как проник через все посты и появился перед ним, будто бы из ничего и стал говорить о каком-то боге, которому следовало поклоняться, а всех остальных предать заклятию. С усмешкой Набонид вспомнил, как слушая старика, Тасид, чуть не лопнул от злости, рвал и метал. Вначале правитель не мог понять такой реакции жреца, но после того, как услышал, что старик открытым текстом изобличает мошенничество Тасида, – это его позабавило. Но забавлялся Набонид недолго. Лишь до того момента, пока бесстрашный Шем не стал обличать его самого… Сейчас, спустя почти десяток лет, Набонид не мог вспомнить, что ему помешало убить на месте наглеца.

– Так немедленно схватите этого юродивого и приведите

ко мне, – как можно безразличнее сказал правитель.

– Ты не хуже меня знаешь, Набонид, что этот старикашка хоть и стар, но неуловим. Но нам удалось найти его поклонников в городе, – жрец сделал паузу, затем продолжил, – вернее поклонниц.

Правитель многозначительно усмехнулся:

– Неужели старик настолько силен? – спросил он.

– В прошлом эта женщина была в почете среди жителей Ура, да и сейчас пользуется немалым авторитетом, поскольку отнюдь не бедна. Нужно действовать осторожно, чтобы не вызвать волнений…

– Да, народных волнений и недовольства нам только не хватало. Забери у нее то, без чего она лишится авторитета, – немного подумав, предложил Набонид, – пускай ее дом сгорит, к примеру.

– Твоя мудрость божественна, повелитель, – поклонился Тасид.

– Более всего боги благосклонны к тем, кто меньше о них думает, а больше рассчитывает на свои силы, – в ответ съязвил Набонид.

Жрец поморщился, но возразить ничего не посмел.

Глава пятая

Прошло еще какое-то время…

Зверь был совсем рядом. Ее главной задачей было его не спугнуть, ведь такое сокровище попадается, наверное, только раз или два в жизни. Сарах в тот момент не думала о том, как она сможет дотащить столь огромную тушу до дома. Все ее сознание, каждая клеточка гибкого и сильного тела была направлена на то, чтобы сделать единственный и точный выстрел. На вторую попытку может просто не хватить времени. Раненное животное, завидев врага, могло дать достойный отпор. Дядя Сарах, опытный охотник, прививший и ей любовь к охоте, не раз говорил, что охотиться на кабана с луком – чистейшее безумие и равносильно самоубийству. Сарах, конечно же, хорошо запомнила наставления дяди, но столкнувшись чуть ли не нос к носу с кабаном, все-таки не могла удержаться от искушения. То-то мама обрадуется ее удаче, дядя даже позавидует ее удаче, и будет, наверное, гордиться своей способной ученицей и ставить ее в пример своим нерадивым сыновьям.

Сарах вытащила из колчана стрелу с тяжелым металлическим наконечником, и натянула тетиву. Вепрь находился от нее на расстоянии каких-то пятнадцати шагов и, не чувствуя опасности, продолжал буравить рылом землю

в поисках кореньев. Прицелившись, Сарах отпустила тетиву. Но за треть мгновения до этого где-то слева, совсем рядом, предательски хрустнула сухая ветка. Кабан настороженно дернулся, поднял голову и увидел охотницу. Когда стрела с характерным звуком вошла в его плоть, зверь издал рык и бросился на врага. Девушке понадобилось мгновение, чтобы осознать нависшую над ней опасность. Она промахнулась, и теперь из охотника превратилась в жертву. Свирепое раненное животное могло во мгновение ока разорвать ее на части. Сарах, бросив бесполезный лук, бросилась в сторону, едва не попавшись на кривые клыки пролетевшего мимо зверя. У девушки появилось в запасе несколько секунд. Она, не раздумывая бросилась бежать, однако вскоре поняла, что вепрь оказался гораздо проворнее ее, поскольку довольно скоро услышала его хищный храп позади себя, который приближался. Зверь совсем не собирался отказываться от добычи. Сарах вскочила на ветку ближайшего дерева, но ветка оказалась сухой и с треском обломилась по ее весом, и девушка упала на спину. Подняв голову, Сарах выхватила длинный нож и приготовилась к схватке. Однако в следующее мгновение случилось неожиданное. В трех шагах от своей жертвы голодный вепрь вдруг остановился, издал клокочущий рык и упал замертво. В его шее торчало мощное древко копья. Сарах встала на ноги и оглянулась. В нескольких шагах от нее стоял парень лет двадцати с кривым мечом наготове и сосредоточенно наблюдал за поверженным

зверем, совсем не обращая внимания на спасенную им девушку. Наконец, убедившись, что противник мертв, парень вложил меч в кожаные ножны и взглянул на Сарах. Девушка несколько минут с интересом разглядывала своего спасителя. Тот был одет небедно, но и роскошью его одежда не отличалась. Он был похож на одного из преуспевающих торговцев, которых часто можно встретить на улицах Ура в богатых кварталах. Они на несколько недель в году приезжали из Баб-или проверить, как идут дела у приказчиков и отвести душу на охоте. В последнее время уже несколько из них клеились к Сарах, недвусмысленно намекая о своих желаниях, но она старалась обходить таких похотливых жеребцов десятой дорогой, что, к сожалению, не всегда удавалось. И вот еще один. Девушка недовольно сморщилась. Его лицо показалось знакомым. Она попыталась вспомнить, где могла видеть незнакомца, но у нее ничего не получилось. Мало ли таких. Наверное, здесь он не один. Сейчас подойдут его дружки, и простой девушке будет не так-то просто ускользнуть из поля зрения навязчивых ухажеров. Сарах зло поджала губки. Она-то, впрочем, совсем непроста, и может…

Тем временем Абрам подошел и внимательно взглянул на незадачливую молодую охотницу. По ее лицу было видно, что ее совсем не испугал вепрь. Она и вправду схватилась бы с ним, вооруженная одним кинжалом и поплатилась бы за самонадеянность жизнью, однако, наверное, совсем не осознавала опасности. Незнакомка держалась смело, независимо,

ее большие темные глаза внимательно изучали подошедшего мужчину. Ее одежда говорила Абраму, что перед ним бедная крестьянка, добывающая охотой пропитание для своей семьи. Если бы не он, наверное, это была последняя ее охота. Да и не подходящее было место, для того, чтобы охотиться. Но девушка, наверное, этого не знала.

– Как тебя зовут? – спросил Абрам охотницу и приветливо улыбнулся.

– Сарах, – коротко ответила та, и с вызовом посмотрела на Абрама, – а что?

– Твоя схватка с вепрем могла бы закончиться печально, – просто сказал тот, отлично понимая раздражение собеседницы. Она, скорее всего, приняла его за очередного богатенького ловеласа, который не прочь позабавиться со слабой просушкой в самой чаще леса. Впрочем, несмотря на то, что Сарах была худенькой, ее тело дышало внутренней силой.

– Я благодарна тебе за спасение, – помолчав ответила Сарах, решив, что будет совсем нехорошо, если она проявится себя неблагодарной скотиной, – надеюсь, у тебя нет в мыслях причинить вред беззащитной женщине.

Убедившись, что незнакомец один, девушка несколько расслабилась и могла спокойно продолжать разговор.

– Я Абрам сын Тераха, – сказал Абрам.

– Разве ты местный? – удивилась Сарах, – я-то думаю, почему твое лицо мне так знакомо.

Абрам кивнул. Он не раз видел Сарах в Уре рядом со сво-

ей влиятельной матерью. Хада славилась тем, что плела интриги против жрецов Нанниру и Исина. Отец еще всегда удивлялся, как до нее еще не добрались. Но, как оказалось позже, все-таки, добрались. Несколько лет назад дом Хады сгорел, ее обвинили в государственной измене и поклонении чужим богам. Поговаривали даже, что ее единственную дочь Сарах продали в рабство…

– Зря ты здесь охотишься, – озабоченно сказал он, – ты же знаешь, это владения Амману. Навряд ли он обрадуется, если узнает, что ты истребляешь его вепрей, – Абрам криво усмехнулся.

Сарах снова ощетинилась злым колючим взглядом:

– Что прикажешь мне делать? – процедила сквозь зубы она, – сейчас куда шаг не сделай, везде владения какого-то чиновника, а мне больную мать кормить надо. Ты ли не соглядатай Амману?

– Нет, – спокойно ответил Абрам, – я всего лишь управляющий в лавке своего отца. А с настоящим соглядатаем мы имеем все шансы встретиться, если будем стоять здесь и пререкаться. Пошли отсюда.

– Ты что, с ума сошел?! – запротестовала Сарах, – пропадать такому добру я не позволю даже не смотря на целую армию соглядатаев! – девушка бросилась к туше кабана и стала спешно его разделывать, не обращая никакого внимания на предупреждения и уговоры Абрама. Тот, конечно, мог бы махнуть рукой на упертую девицу и убираться восво-

яси, но Сарах понравилась парню и он решил ей помочь.

– Если ты боишься соглядатаев Амману, то почему тогда сам охотишься? – спросила девушка, когда они нагруженные мясом вышли из лесу.

– Я выполнял поручение самого Амману, – пояснил Абрам, бодро шагая по проселочной дороге с тяжелым мешком за спиной, – и нечаянно встретил тебя.

Сарах как-то странно посмотрела на своего спутника. «Выполнял поручение самого Амману, надо же» – подумала она, а вслух сказала.

– Если ты меня сдашь его людям, тебя проклянут *твои* боги.

В ответ Абрам улыбнулся и посмотрел на девушку:

– Не бойся не сдам, – ответил он, – совсем недавно я был в таком же положении, как и ты. Мне надо было кормить больную мать и пьющего отца.

– А что случилось потом? – полюбопытствовала Сарах.

– Да так, ничего особенного, – уклончиво ответил Абрам, – просто повезло. Такое бывает. Где ты живешь?

Сарах еще раз подозрительно взглянула на Абрама. «А все таки, сдаст или нет? Чего это он спрашивает?».

Угадав мысли девушки, Абрам поставил мешок с мясом на землю:

– Смотри, неси тогда сама. Я просто хотел помочь, но раз ты боишься… – Абрам сделал вид, что уходит, хотя покидать эту интересную девушку ему совсем не хотелось.

– Я ничего не боюсь, – ответила Сарах и взвалила тяжелый мешок себе на спину. Моя матушка не любит, когда меня видят в обществе молодых торговцев. Соседки старухи постоянно нашептывают ей, что я продаюсь богачам за деньги. Это, конечно, не так, но разве их переубедишь.

Абрам попрощался и пошел своей дорогой. Ему надо было спешить к себе в лавку.

Глава шестая

Лавка, в которой Терах вот уже несколько лет продавал богов обитателям Ура, располагалась в начале главной улицы города. Это был глинобитный двухэтажный дом с плоской крышей и высокими стенами. Терах любил безопасность. Внутри было много комнат и свободного места, не захламленного, как обычно в домах состоятельных граждан, вещами и украшениями. Во всем чувствовалась простота и вкус. Это была заслуга Абрама, который управлял делами лавки и смотрел за домом. Терах так и не бросил пить, хотя делал он это теперь в компании знатных граждан и пропивал гораздо больше денег, чем три года назад. Но если раньше его презирали как попрошайку и пьяницу, то теперь отец Абрама пользовался немалым уважением среди людей, поскольку многие были должны ему деньги.

Однажды отец, в очередной раз возвратившись домой еле живым от выпитого дорогого вина, в ответ на упреки Абрама начал рассказывать ему, что боги благоволят к его дому, поскольку он снова стал состоятельным и уважаемым человеком. Когда же Абрам стал очень осторожно расспрашивать отца о прошлом, тот сразу же, чуть ли не во мгновение ока, будто бы протрезвел и, пробурчав что-то невнятное, ушел на свою половину спать.

Мысль о едва приоткрытой перед ним тайной ни на день

не покидала Абрама на протяжении последних лет. Он всеми силами пытался выудить у отца и брата как можно больше информации, но те, как и прежде, молчали словно рыбы, и отвечали на расспросы Абрама лишь общими фразами или вообще руганью.

Сегодня отец отсыпался после вчерашней попойки в доме царского виночерпия, и Абрам, решил пораньше закрыть лавку, после встречи с покупателем бога Исина. Абрам уже часа три с нетерпением смотрел на крепкую дубовую дверь лавки, несколько раз выходил на улицу выглядывая непунктуального клиента. Это был начальник царских телохранителей, заказавший сделать статую почитаемого им божества из особенной породы древесины. Именно для этого Абрам ходил вчера в лес в поисках редкого в этих краях растения. Идол с утра уже стоял готовый на полке, выгодно выделяясь среди других глиняных и деревянных статуэток. После того, как Нахор предложил ему вырезать богов Ура и Бабили из дерева и лепить их из глины, Абрам довольно быстро научился новому ремеслу. И вскоре его искусство стало известным не только вельможам родного Ура, но даже за его пределами. Абрама, также, как и его отца считали искусным плотником и набожным человеком, хотя он никогда не скрывал своего презрения к богам. Откуда у него такая неприязнь к небесным покровителям жителей Междуречья, Абрам не мог объяснить даже себе. Вначале он просто игнорировал Нанниру, не молясь ему во время жертвоприношений,

а потом и вовсе перестал верить в его существование. Когда Абрам поделился своими сомнениями с Нахором, тот долго и пристально смотрел на брата, а затем произнес загадочную для Абрама фразу:

– Ты сын матери твоей, Абрам. Также, как и она, ты когда-нибудь навлечешь на себя гнев этих богов, тобою презираемых. Только не говори отцу о своих сумасбродных мыслях, не призывай еще одно горе на его седую голову, да и на головы всех нас.

Больше Нахор не желал разговаривать с Абрамом о богах и его матери, как Абрам не старался. Ему даже порою казалось, что Нахор стал избегать его. Но Абрам ничего не мог с собой поделать. С одной стороны, ему было до слез обидно, что брат, единственный по-настоящему близкий человек, даже не желает понимать его, а с другой – Абрам сам удивлялся себе. Почему он не может жить так, как живут все, верить так, как верять все и не знать хотя бы с этим проблем? Что происходит в его душе, и есть ли на свете человек (в богов он не верил), способный ему помочь, Абрам не знал.

Тишину лавки огласил приятным звоном колокольчик на двери. Абрам, успевший во время ожидания уснуть, подскочил с лавки и больно ударился головой о полку, на которой стоял позолоченный идол, бесстрастно ожидающий своего набожного хозяина. Потирая затылок и проклиная про себя всех богов мира, Абрам вышел в лавку. Там стояла важного вида женщина лет шестидесяти в богато украшен-

ной одежде в сопровождении двух рабынь. Она с интересом осматривала полки со статуэтками. Огорчению Абрама не было предела. Это был не тот клиент, которого он с таким нетерпением ожидал, чтобы закрыть лавку. Камелия, как не без оснований подозревал Абрам, – богатая покровительница его отца, и, вероятно, не только покровительница, соизволила вдруг появиться в лавке своего фаворита. Интересно, что ей понадобилось в лавке, где продают богов? Судя по намекам отца, у нее в доме была своя собственная лавка богов, не хуже, чем у отца. Целый пантеон.

Когда Абрам появился за высоким прилавком, Камелия с осуждением смерила его взглядом:

– Чем могу служить моей госпоже? – Абрам старался быть как можно более учтивым, хотя эта старуха, как, впрочем, и все знакомые отца, вызывали у него отвращение, не смотря на то, что слыли весьма богатыми и состоятельными людьми. Думая об этом, Абрам не раз радовался тому, что деньги, которые они платят за идолов не несут в себе качеств своего последнего хозяина.

– Я не раз говорила Тераху, что его младший сын – плохая кандидатура на роль продавца божественных изваяний.

– Что вызвало твое неудовольствие, моя госпожа? – с притворным беспокойством осведомился Абрам, – изделие, вышедшее из этих стен оказалось некачественным?

Камелия презрительно фыркнула, затем, тяжело вздохнув, подошла к прилавку:

– Посмотри на себя, – наставительно обратилась она к Абраму, – на кого ты похож? Своим видом ты оскорбляешь пресветлый лик небесных жителей в этой благословенной лавке. Куда смотрит твой отец, я не знаю!

Абрам смиренно опустил голову, стараясь принять покаянный вид. Он, естественно, не в чем не каялся, а опустил голову только для того, чтобы скрыть от Камелии улыбку.

– Вероятно, мой грех слишком велик, чтобы я мог думать об оправдании перед лицом могущественных богов, – скорбно произнес в ответ Абрам и испугался, – а вдруг он переиграл? Навряд ли Камелия будет сносить издевательства какого-то мальчишки. Но посетительница, вероятно, настолько сильно была занята собственными мыслями, что, к счастью, совсем не обратила внимания на поведение нерадивого торговца богами.

– Где твой отец? – покачав головой, спросила Камелия.

– Он болен, моя госпожа, – ответил Абрам и мысленно содрогнулся, предположив, что Камелия вдруг захочет навестить своего занемогшего любовника, но Камелия не захотела.

Она взяла из рук одной из своих рабынь небольшой сверток и поставила на прилавок перед Абрамом.

– Здесь приношение великому Исину, – торжественным полушепотом сказала она, и строго взглянула на Абрама, – организуй ему жертвоприношение, чтобы он как можно быстрее вернул здоровье твоему отцу, поскольку я в самом

ближайшем будущем желаю видеть его у себя в полном здравии. Можешь так и передать Тераху.

– Жертвы надо приносить в храме, моя госпожа, – попробовал возразить Абрам, но ему даже не дали закончить начатую фразу.

– Ты ли, несчастный оборванец, будешь учить меня, Камелию, где и как надо приносить жертвы богам Сенаара?! – с негодованием воскликнула она, – знаешь ли ты, что со мной сам великий жрец Тасид, да будут продлены годы его жизни, имеет обыкновение советоваться? Это место, в котором ты, на мой взгляд, совершенно незаслуженно имеешь честь служить законопослушным жителям города Ура, не менее свято, чем храм Нанниру и Исина!

– Не смею перечить тебе, моя госпожа, – пролепетал Абрам, – будет исполнено все, как ты приказала, да продлятся годы твоей жизни!

«Чтоб ты скорее отправилась в город мертвых и твоим телом обедали земляные черви» – зло подумал Абрам, когда Камелия, наконец, покинула лавку. Он хотел плюнуть на только что закрывшуюся за женщиной дверь, как она снова открылась, и под звук колокольчиков в лавке появился начальник царских телохранителей. Абрам едва успел спрятать приношение Камелии под прилавок и занялся почетным посетителем.

Когда и за этим клиентом, после традиционного короткого обмена любезностями и расчетом, закрылась входная

дверь, Абрам облегченно вздохнул. Закрыл дверь на тяжелый засов и припал к меху с вином. С каждым днем его все больше выматывала работа продавца богов, но он не знал, что делать. Приходилось все чаще глушить тоску и затаенную злобу искрящимся хмельным напитком.

Покинув лавку, Абрам отправился, куда глаза глядят подальше от дома, к тому месту, где он больше трех лет назад нечаянно нашел укромную пещеру. Там, находясь наедине с собой и с девственным миром, Абрам часто искал утешение и радость.

Глава седьмая

Абрам, сам не зная почему, был снова рад видеть свою новую знакомую, называющую себя странным именем Сарах. Он даже не огорчился, что ему не удалось попасть к себе в потаенную пещеру и провести несколько часов в спасительном уединении. Большие глаза девушки смотрели на него прямо и честно, и в них, казалось, постоянно читался вопрос: кто ты? Как это было созвучно настроению самого Абрама! Как часто он сам задавал этот вопрос и не находил на него ответа! Они целый день ходили по тропам диких коз в долине мелководной речушки, зажатой с обеих сторон акацией, над которой возвышались одинокие свечи кедровых деревьев. Прятались от лучей полуденного солнца в густых зарослях папоротников и разных кустарников. Наслаждались запахом сочной травы, теплым, едва уловимым ветерком, ласкавшим их волосы и несущим все разнообразие запахов и звуков. Абрам и Сарах наблюдали за огромным пауком, плетущим гигантскую паутину между тремя деревьями, бегали босиком по берегу ручья, плескались студеной родниковой водой, смеялись над забавными историями из своей жизни, грустили об ушедших близким и потерянных возможностях, нежились под нежными потоками солнечных лучей. Сарах много и захватывающе рассказывала о своей жизни до «пожара», как она выразилась, с презрени-

ем, но без злобы, отзываясь о могущественных жреца, из зависти оклеветавших ее мать перед всем Уром…

Когда оранжевое солнце стало, наконец, заходить за верхушки деревьев и в воздухе запахло вечером, они осознали, сколько на самом деле прошло времени. Сумерки застали Абрама и Сарах на пути в Ур.

– Я сейчас чувствую себя виноватой перед матерью, – озабоченно говорила Сарах, – я сегодня утром обещала ей, что побуду у ее постели полдня.

– Торговец богами нарушил все твои планы? – с улыбкой спросил Абрам, глядя на девушку.

Чем больше он на нее смотрел, тем отчетливее ощущал, что не в силах оторвать от нее взгляда. Абрам будто бы смотрел на себя глазами стороннего наблюдателя и как бы, качая головой, понимал, что незаметно для себя самого влюбился в девушку из нищенской семьи. Отец, наверное, не одобрит его выбора, но разве это имеет значение? К тому же, совсем недавно и их семья находилась на грани голодной смерти.

Сарах остановилась посреди дороги и взглянула в глаза Абраму:

– Торговец богами не просто нарушил мои планы, – тихо произнесла девушка, – с самой первой нашей встречи тогда, в лесу, он лишил меня сердечного покоя и нарушил течение моей жизни.

Абрам улыбнулся. Перед ним стояла не просто какая-то девушка, которых он видел достаточно в Уре. Перед ним сто-

яла смелая и честная девушка. Потому что, чтобы сказать то, что сейчас она сказала ему, надо обладать немалой смелостью.

– Если я сейчас сделаю то, что мне хочется, – улыбаясь, ответил Абрам, то на следующее утро о нас будет говорить добрая половина славного города Ура.

– А вторая половина будет молчать от дикой зависти, сидя в своих норах, – в тон добавила девушка.

Ее дыхание вдруг обожгло Абрама. Он еле сдержался, чтобы не упасть прямо в дорожную пыль к ногам Сарах прямо на глазах у редких прохожих…

– Видел бы ты глаза того козопаса, когда он увидел, как мы целуемся, – краснея от смущения, сказала Сарах, – они у него чуть ли не повылазили из орбит.

– Я ничего не видел, – только произнес Абрам, которому до сих пор было тяжело подавить возбуждение, вызванное поцелуем девушки. До сих пор он не испытывал ничего подобного, хотя успел узнать немало девушек в окрестных селениях.

Когда Абрам и Сарах вошли в город, ночной сумрак покрыл сонным одеялом его дома и улицы.

– Гнев моей матери будет весьма силен, – сокрушенно сказала девушка, когда они подошли к перекрестку, где им надлежало расстаться, – я еще никогда не вела себя столь безответственно по отношению к ней.

– Я приведу самолично тебя к ней и постараюсь смягчить

ситуацию, – заверил Абрам девушку, сам удивляясь собственной смелости. Он даже и на четверть не представлял, что именно скажет матери Сарах, совершенно ему незнакомой женщине, и как вообще посмеет переступить порог ее дома. Но дурман от близкого присутствия Сарах продолжал действовать на его рассудок, внушая ему странные побуждения.

Даже тогда, когда Сарах открыла скрипучую дверь лачуги, где они ютились с матерью и пригласила его войти, Абрам не почувствовал ни капли смущения.

– Ты ведешь себя как какая-то блудная девка, – услышал Абрам скрипучий голос лежащей в потемках женщины, – соседка мне уже успела рассказать, что видела тебя сегодня в обществе какого-то ухажера. Неужели ты настолько опустилась, что решилась поднять подол своего нищенского платья перед первым встречным кобелем?

– Я не осквернила себя, мама… – обиженно буркнула Сарах, в темноте сжав руку Абрама, и стараясь нащупать лучину, чтобы зажечь свет.

– Я не о скверне толкую тебе, глупая ты девченка, – раздраженно перебила дочь мать, – что будет делать, если ты понесешь от своего блуда?

– Я ни с кем не блудила, – стараясь быть спокойной, ответила Сарах, – Абрам привел меня домой, чтобы убедиться в том, что со мной ничего не случиться.

– Что с тобой может случиться, кому ты нужна… – жен-

щина осеклась, затем уже более мягким тоном спросила, – ты что привела гостя в эту жалкую лачугу. Мало тебе позора на мою седую голову, дрянная ты девка?

– Почитаю за честь быть в этом доме, – выдавил из себя наконец Абрам, – не вижу ничего зазорного в нищете, поскольку и сам только недавно жил в лачуге.

Наконец, в беспросветном мраке загорелась лучина, осветив убогую обстановку жилища. Пожилая женщина лежала в дальнем самом темном углу хижины, укрытая плохо выделанными шкурами на охапке свежей соломы. Ее исхудалое лицо бледным пятном выделялось в полумраке, и было похоже на лик бестелесого призрака. Взгляд воспаленных болезнью глаз женщины будто бы бесцельно блуждали по комнате. Однако, когда лежащая увидела гостя, задержалась на нем, затем закрыла глаза и застонала. Сарах бросилась к матери:

– Тебе плохо, мама? Что я могу сделать?

Но женщина только раздраженно отмахнулась от дочери.

– Сколько ты будешь задавать мне один и тот же вопрос? – спросила она, продолжая держать глаза закрытыми, от чего ее и без того сморщенное уже тронутое старостью лицо, покрылось еще более густой сетью морщин, – неужели я тебе не долбила последние полгода, что мне уже ничего не поможет. Я уже смирилась с этим, хотя боги знают, как тяжело мне далось это смирение. Не омрачай моих последних дней в этом мире. И боги будут благоволить к тебе всю твою жизнь. Ты услышала меня?

Сарах молча кивнула, и Абрам, не смотря на скудное освещение, увидел, как девушка, глядя на мать беззвучно плачет. Он уже знал, что мать не разрешала дочери плакать в своем присутствии. Но теперь Сарах не выдержала. Она позволила себе такую слабость в присутствии матери, пользуясь тем, что та не смотрит на нее.

Однако, спустя какое-то время, женщина все же открыла глаза и посмотрела на Абрама. На этот раз ее взгляд осмыслен и даже, как показалось Абраму, жесток и колюч.

– Подойди ко мне, – приказала она, и Абрам не посмел ослушаться. Он сделал несколько нерешительных шагов к постели больной и остановился.

– Не бойся меня, я не укушу тебя, даже если бы и очень хотела, – на сероватых тонких губах женщины появилось жалкое подобие улыбки, – видишь – слаба стала. Подойди же ближе, я хочу получше рассмотреть твое лицо. Боги свидетели – где-то я его уже видела!

Абрам сделал еще шаг.

– Не удивительно, мы с отцом жили в этой части города достаточно долго, пока… – Абрам вдруг остановился, пораженный сменившимся выражением лица женщины. Она смотрела на него во все глаза и что-то шептала так тихо, что ни Абрам, ни Сарах не могли различить слов.

– Как тебя зовут, юноша? – неожиданно осипшим голосом спросила она.

– Абрам мое имя, я сын Тераха, – едва справляясь с волне-

нием ответил Абрам, – он уже жалел, что переступил порог этой хижины. Ему совсем не улыбалось разговаривать с полусумасшедшей старухой, даже, если ею была мать Сарах.

Женщина довольно долго молчала, не сводя немигающего взгляда с Абрама.

«Она верно ума лишилась, – с горечью подумал Абрам, – бедная Серах – жить с юродивой матерью и наблюдать каждый день за ее медленной смертью».

– Ты очень похож на своего отца, – произнесла своим обычным голосов женщина и тяжело вздохнув, отвернулась.

– Ты знаешь моего отца? – удивился Абрам.

– Я всегда знала о твоей способности вляпываться во всякие переделки, – уже не обращая внимания на гостя, сказала женщина, обращаясь к дочери, – но, даже никогда и подумать не могла, что среди всех кобелей славного города Ура ты выберешь собственного брата.

Услышав это, Сарах вскочила и, вероятно, очень больно ударилась затылком о потолочную перекладину. Абрам застыл в изумлении, переводя непонимающий взгляд с матери на дочь, негласно вопрошая: «Что значит сказанное? Шутка, или у твоей матери старческий маразм?». Но по всему было видно, что больная женщина не собиралась шутить.

– Мама, что ты вкладываешь в уши мои?! – растерянно спросила Сарах.

Видимо, довольная произведенным эффектом, женщина снова обернулась к Абраму:

– Не думай, что я лишилась разума перед смертью. Не слушай глупую болтовню Сарах. Она так и не научилась должным образом уважать собственную мать. Сарах действительно твоя сестра, поскольку дочь твоего отца. Насколько мне известно, став богатым, он остался такой же похотливой скотиной, каким был двадцать лет назад. Конечно, боги тогда лишили меня разума, потому, что я влюбилась в женатого мужчину. Терах не отказался от возможности заглянуть под мой подол, после чего обходил меня десятой дорогой, видимо, осознав, что совершил мерзость. Я ничего не сказала ему о беременности…

Абрам, слушая рассказ женщины встретился с растерянным взглядом Сарах, и ему почему-то стало невыносимо стыдно. Стыдно перед Сарах, перед ее матерью, перед самим собой. Не дослушав рассказ умирающей, Абрам, не помня себя, бросился из хижины вон.

Глава восьмая

Абрам оказался дома перед сам рассветом. Целую ночь напролет он бродил по пустынным окрестностям города, рискуя попасться на глаза ночной страже или в руки разбойника, и переваривал услышанное в доме Сарах. В его уме долго не укладывалось, что Сарах, девушка, которую он недавно совершенно случайно встретил в лесу, была его родной сестрой. Иногда, глядя на звезды и сияющую на черном небосводе полную луну, Абрам начинал убеждать себя в том, что старая больная женщина просто спятила, выжила из ума, продолжительная болезнь и неподвижный образ жизни лишили в конце концов ее здравого рассудка. Так стоило об это тогда вспоминать и беспокоиться. Но тут же Абрам вспоминал взгляд самой Сарах, когда та услышала от собственной матери столь ошеломляющую новость. Наверняка, девушка совсем не разделяла уверенность Абрама в том, что ее мать обезумела окончательно. Вернее, она, как почувствовал еще тогда в хижине Абрам, полностью поверила ей, совершенно не смутившись невероятностью того, что утверждала ее мать. Вероятно, Сарах хорошо ее знала. Но что делать дальше? Нет, вопрос не касался Сарах и ее семьи. Что делать ему, Абраму, успевшему за короткое время знакомства потерять голову, как оказалось, от собственной сестры? Абрам вспоминал каждое мгновение, проведенное рядом с девуш-

кой-охотницей, скрупулезно перебирая каждое произнесенное слово, каждый жест и взгляд, пока, наконец, не добрался до того момента, когда их губы на один короткий, и бесконечный миг коснулись друг ко другу. Нет, как Абрам не старался, он не мог уловить того чувства, когда брат с сестрой целуются. И сейчас, вспоминая прошедший день, он не чувствовал никакой неловкости или смущения от того, что поцеловал родную сестру, так как обычно целуют любимую женщину. Для него Сарах до этого момента оставалась любимой женщиной. И то, что она его сестра ничего не меняло в его чувствах. Уже подходя к дверям лавки, Абрам вспомнил, мимоходом слышанное от знакомого жреца, будто бы браки между родственниками гневают богов. Но Абрам, зайдя в лавку, на ощупь зажег масляный светильник и оглядев идолов, стоявших стройными рядами на полках, презрительно усмехнулся, – он не верил в богов. Разве могут эти хоть и красивые, но мертвые статуэтки гневаться? Так чего же ему бояться? Страшнее кары богов, могло быть решение самой Сарах не продолжать отношений, но Абрам старался об этом не думать.

Уже собираясь выходить из лавки во внутренний дворик, Абрам уловил странный запах. Принюхавшись, он подошел к прилавку и выставил на него тарелку, завернутую в ткань, от которой и несло нестерпимой гнилью. Абрам совсем забыл о приношении Камелии. Оно на беду состояло из скоропортящихся продуктов. Абрам снова взглянул на богов,

выставленных его отцом вчера на продажу и растянул губы в озорной ухмылке:

– Ну что же, всемогущие небожители, – громко обратился он к пантеону идолов, бесстрастно взиравших на него с высоты полок, – придется на этот раз вам довольствоваться прокисшими харчами госпожи Камелии. Вы же всемогущи, как говорят. Почему бы вам не благословить испорченный ее дар так, чтобы он снова не стал аппетитно благоухать?!

Сказав это, Абрам, развернул тарелку с прокисшей и уже успевшей покрыться плесенью чечевичной похлебкой, и с силой швырнул его в статуэтки. Тарелка, расплескав на лету все свое содержимое, ударилась в богов, повалив большую часть из них на пол. Наступила полная тишина. Пламя в светильнике, отчаянно трепыхнувшись, чуть не погасло, на мгновение разметав причудливые тени по лавке. Абрам в начале озадаченно всматривался в разбитых идолов под ногами, словно ожидая ярости и суда за собственное святотатство, но затем, видя, что ничего не происходит, только покачал головой:

– Я так и знал, – тихо произнес он, – вы действительно мертвы, боги Сенаара. Иначе уже давно бы превратили меня в пыль.

Абрам достал из-под лавки мех с дорогим крепким вином, украденным на прошлой неделе из отцовских запасов, и жадно припал к горлышку. Обжигающая волна ударила в грудь, затем в живот, а потом медленно растеклась по все-

му телу. Напряжение последних дней стало потихоньку спадать, и Абрам, расслабившись, сел на пол рядом с обломками божественных статуэток и, облокотившись о стену, неожиданно для самого себя задремал. Он видел, как Некто вошел в лавку с метлой в руке и, не сказав не слова, стал выметать глиняные осколки на улицу. Абрам во все глаза смотрел на Незнакомца, силясь что-то сказать, но чья-то сильная воля не позволяла разомкнуть губ. Когда Некто закончил свою работу, он обернулся к Абраму. Его лицо показалось знакомым. Абрам пытался вспомнить, где он видеть странного гостя, но память отказывалась служить ему. Его тело окоченело, он не чувствовал ни рук, ни ног. Только слышал, как гулко бьется в скованной холодом груди сердце, и смотрел на того, кто только что убрал его лавку. Незнакомец несколько минут с дружелюбным интересом рассматривал лежащего на полу Абрама. Тот не мог уловить этого взгляда. Как Абрам не старался он постоянно ускользал, оставаясь не досягаемым. Оцепенение стало проходить, и через несколько мгновений, а может быть, минут или часов, Абрам совершенно не ориентировался во времени, он с облегчением ощутил собственное тело и смог, наконец, вздохнуть полной грудью. Вдруг Некто заговорил голосом отца:

– Что ты здесь делаешь, Абрам?

И Абрам, вздрогнув, проснулся. Перед ним стоял отец с чадящим светильником в одной руке и мечом в другой. Его обесцвеченные возрастом глаза сверкали из-под густых бро-

вей яростью и удивлением.

– Я тебя спрашиваю, что ты делаешь в лавке в такой поздний час, и почему боги лежат разбитые на полу, словно забытые детские игрушки?! Отвечай, ты осквернил богов Ура?!

Абрам мгновение смотрел на отца, затем, как ни в чем ни бывало, поднялся на ноги, и указал на треснувшую тарелку госпожи Камелии:

– Как я мог осквернить богов, отец? – спокойно произнес он, пряча за спиной мех с вином и глядя прямо в глаза отцу, – разве я не знаю, что они могут разгневаться на меня?

Отец мгновение смотрел на сына. Затем спросил:

– Может ты перестанешь говорить загадками, а объяснишь, почему боги лежат разбитыми на полу? – в его голосе Абрам отчетливо услышал металл. Абрам прекрасно понимал, что может его ожидать, если он выведет отца из себя, но остановиться уже не мог. Вероятно, подействовало выпитое вино:

– Вчера вечером, когда ты отдыхал от выпитого вина, – начал говорить он без страха, даже с интересом наблюдая за реакцией отца, – к тебе пришла госпожа Камелия.

– Что она хотела? – несколько смягчившись спросил отец.

– Она спрашивала, здоров ли ты и почему так долго не посещаешь ее.

На лице Абрама мелькнула насмешливая улыбка, когда он говорил, что снова взбесило отца:

– Ну?!! – он угрожающе надвинулся на Абрама.

– Она принесла похлебку в приношение нашим богам, чтобы они сохранили наш дом. Я тотчас поставил похлебку перед богами и тогда… – Абрам сделал многозначительную паузу.

– Что тогда? – отец был готов уже ударить его.

– Понимаешь, отец, – невозмутимо ответил Абрам, – к сожалению, госпожа Камелия не уточнила, которому из богов она принесла дар. Они стали ссориться из-за похлебки, каждый отстаивая собственное право на приношение смертного человека. Как видишь, не обошлось без драки…

– Что ты мелишь, юродивая скотина? – прорычал отец и вплотную приблизился к сыну.

– Я рассказал тебе правду. Ты же знаешь, я не люблю врать. Боги передрались и…

– Как глиняные статуэтки могут драться, болван? Ты пьяный, – отец неуловимым движением руки выхватил у Абрама из-за спины почти пустой мех.

– Как же, – притворно удивился Абрам, – разве ты не веришь, что боги, которых мы продаем в этой лавке живые, и могут проявлять не чуждые ничему живому страсти?

Отец наотмашь ударил Абрама по лицу так, что тот потеряв равновесие, распластался на усыпанному глиняными осколками полу.

– Ты будешь сидеть на пресных лепешках и воде, работая день и ночь, чтобы возместить убытки! – гаркнул отец, швырнув в сына пустым мехом, и вышел из лавки.

– Почему бы богам самим за себя не постоять? – обиженно пробормотал Абрам вдогонку.

Глава девятая

Сарах старалась не вспугнуть молодую лань ни лишним движением, ни звуком. Натягивая тугую тетиву лука, девушка почти не дышала, оставаясь при этом абсолютно хладнокровной, как и подобало настоящему охотнику. Это была большая удача, что она встретила лань, и Сарах не собиралась упускать свою добычу.

Хотя охотница из слов Абрама знала, в чьем лесу она охотится и что ей грозит в случае, если ее поймают с поличным, но не могла удержаться от соблазна, полагаясь на столь долго не изменявшую ей удачу. И удача, как ей показалось, не отвернулась от нее и на этот раз. Несколько капканов, установленных еще с прошлого раза, принесли пару весьма упитанных зайцев. Но, возвращаясь домой, девушка неожиданно увидела средних размеров лань. Животное мирно паслось на опушке леса мордой к Сарах. Поглощенная обедом, она не почувствовала приближение опасности. Сарах несколько мгновение рассматривала лань, с удовольствием отметив ее очевидную упитанность. С учетом убито недавно вепря, мяса должно было хватить на несколько месяцев вперед. Кое-что даже можно будет продать. Тщательно прицелившись, Сарах отпустила тетиву. Стрела, метнувшись из-за кустов, со свистом вонзилась в левый глаз лани. Животное дернулось, встало на дыбы, крутануло несколько раз головой и упа-

ло замертво. В умении обращаться с луком Сарах могла потягаться с лучшими стрелками Ура, хотя, к сожалению (или к счастью?) об этом знала только она.

Охотница, перекинув лук через плечо, бросилась к поверженной дичи, на ходу вынимая из ножен длинный кинжал с изогнутым лезвием. Охота закончилась; теперь нужно было как можно быстрее разделать добычу, сложить ее в сумку и сматываться из лесу куда подальше. В любой момент могли появиться другие претенденты на убитого зверя. Неприятное предчувствие вдруг кольнуло в грудь, настойчиво побуждая Сарах немедленно убираться прочь от опушки леса, но вид роскошной туши, не позволил прислушаться к доводам сердца. Оглянувшись и не увидев ничего подозрительного, Сарах склонилась над телом, умело орудуя ножом.

Когда работа подходила к концу и мясо было почти полностью уложено в сумку, Сарах похолодела от ужаса, почувствовав чье-то присутствие на поляне. Как ей захотелось, чтобы это снова оказался Абрам! Чтобы повторилась та незабываемая встреча… Но разум говорил, что неторопливые шаги со спины и затем тень человека, закрывшая солнце, принадлежали кому-то другому – сильному и враждебному.

Сотни мыслей в одну секунду пролетели в голове у Сарах, пока она лихорадочно обдумывала свое положение. Ее ожидала либо смерть, либо рабство. Причем второе было предпочтительнее. Неужели жизнь кончилась? Неужели Сарах так разгневала богов, что они решили поскорее изжить

ее со свету? Чем она, Сарах, им не угодила? На этот вопрос девушка ответа не знала и в тот момент была не склонна к его поиску. Ее деятельный и расчетливый ум искал возможности выхода из сложившейся ситуации. И она его нашла. По крайне мере, ей так казалось…

Не успел человек остановиться и схватить незадачливую охотницу за шиворот, как Сарах, развернувшись, нанесла противнику удар ножом в живот. Не ожидавший столь решительного нападения незнакомец, не успел ничего предпринять для своей защиты и со стоном повалился на землю. С содроганием Сарах обнаружила, что это был воин. Теперь, если ее поймают, за убийство ее точно ждет смерть. Звук нескольких бегущих пар ног заставил девушку прийти в себя и обернуться. С пиками на перевес ее собирались атаковать еще четверо солдат. Сарах бросилась бежать в противоположную сторону, засовывая окровавленный нож в ножны и снимая со спины лук. С ним девушка могла надеяться отбиться от преследователей. Но тут ступни охватила петля силка, ею же недавно установленного, и Сарах почувствовала, что земля уходит из-под ног. Последнее, что увидела девушка, – это летящая на нее откуда-то сверху большая сеть. Затем последовал страшный удар по голове…

Кто-то легонько тронул Сарах за плечо, и она тут же открыла глаза и огляделась. Она лежала на поляне, поросшей душистой сочной травой и усыпанной красивыми белыми цветами. Солнце стояло в самом зените, но не пекло, а ласко-

во грело по-весеннему. Сарах поднялась и невольно тронула то место на голове, куда пришелся удар, но к своему удивлению не обнаружила ни раны, ни даже синяка. Словно ничего из того, что пришлось пережить на охоте, не произошло. Однако, Сарах привыкла доверять своим ощущениям. Лес, лань, преследователи, – все это без сомнения имело место, но, что произошло потом, как она оказалась на этой незнакомой поляне, Сарах не знала. Девушка осторожно огляну-лась, машинально опустив руку на пояс, где висели ножны с окровавленным кинжалом, но тут же вздрогнула. Холодок страха прокатился по спине. Ни ножа, ни лука у нее при себе не было. Ее обезоружили. Взгляд молнией метнулся под ноги в поисках палки для защиты, но ничего подходящего для обороны поблизости не оказалось. Сарах подняла глаза и увидела Его. Она стразу же встретилась с Ним глазами, и ей стало не по себе. Она не знала этого человека, но у нее сразу же возникло такое чувство, что Он то ее хорошо знает. Знает, наверное, даже больше, чем она себя.

Сарах хотела поздороваться и спросить у Незнакомца, где она, и кому обязана столь чудесным спасением от воинов, но голос внутри остановил ее. Уже раскрыв рот, она тут же закрыла его и продолжала, не отрываясь смотреть в глаза Незнакомца. Он, улыбнувшись, указал куда-то в сторону. Проследив взглядом направление, Сарах увидела свои нож и лук с полным колчаном новых стрел. Глаза Сарах засияли и она с благодарностью снова взглянула на доброго челове-

ка, но не нашла сочувствия своей радости. Незнакомец теперь смотрел на нее серьезно и пристально. Радость тут же слетела с лица девушки. «Что происходит? Что он от меня хочет?» – в недоумении подумала она.

И тут в руках странного Незнакомца появился посох, – длинная изогнутая палка погонщика коз. Незнакомец протянул посох Серах. Девушка, повинуясь внутреннему порыву, подбежала и взялась за посох. Затем произошло невероятное. Как только ее пальцы прикоснулись к полированной поверхности палки, Незнакомец одобрительно кивнул и медленно растворился в воздухе. В руке девушки остался только его странный подарок. Серах стало страшно и она тут же очнулась в кромешной тьме.

Пахло прелой соломой и сыростью. Откуда-то сверху капала вода. Капли с оглушительным плеском разбивались о пол где-то возле самой головы девушки и окатывали ее ледяными брызгами. Голова… она раскалывалась от нестерпимой боли. Облизав пересохшие губы, Сарах почувствовала сладковатый привкус крови на губах. Ватными пальцами девушка дотронулась до макушки, но тут же со стоном отдернула руку. Судя по всему, на голове зияла страшная рана от удара. Когда глаза немного привыкли к темноте, Серах обнаружила себя в небольшом каменном склепе с низкими сводчатыми потолками, с которых во многих местах падала воняющая гнилью вода. Слабый мерцающий свет пробивался из-под окованной медью дубовой двери. Сарах на-

шла в себе силы поднять тяжелую голову и оглядеться. Затем со стоном опустила ее снова на солому и впала в тревожное небытие. Время от времени девушка приходила в себя, чувствуя, как по-прежнему нестерпимо болит голова и все тело бьет озноб. Не в состоянии долго выносить такие мучения, девушка снова теряла сознание, затем снова возвращалась в реальность, пока череда бессознательного и сознательного не превратилась в почти непрерывную линию без ощущения времени и пространства.

Наконец, сквозь пелену боли до сознания Сарах донесся звук отодвигаемого засова. В следующее же мгновение ее ослепил свет от факела, и кто-то больно пнул ее ногой в бок. Сарах никак не отреагировала. Она знала кто и зачем за ней пришел, так стило ли лишний раз напрягаться, только для того, чтобы дойти до места унизительного суда а потом и казни? Сарах хотелось, чтобы поскорее все закончилось. Где-то на самом краю сознания теплилась еще сожаление о больной матери, обреченной теперь на голодную смерть. Кому нужна старая беспомощная женщина? Может быть, конечно, Абрам, торговец богами, которого мать почему-то назвала ее братом, вспомнит о немощном человеке, но на это было мало надежды. Сердце девушки сжалось от горя и отчаяния. Много лет назад она пришла в мир, где ее никто не ждал и теперь он без тени сожаления извергает ее из своих недр на помойку царства мертвых. Интересно, кем был человек, приснившийся ей, и что может означать этот сон в преддве-

рии смерти?

Ушат ледяной воды все таки заставил безжизненное тело Сарах к жизни. Девушка открыла глаза. Над ней стояли три стражника и о чем-то негромко переговаривались между собой.

– Похоже ты, Мекен, малость не рассчитал с ударом. Она скорее всего уже отправилась к своим праотцам, – пробасил один из стражников, вглядываясь в лежащую на охапке полусгнившей соломы девушку.

– Никто не может меня упрекнуть в этом, тем более ты, Некил, – огрызнулся второй, – ты разве не помнишь, – эта девица чуть не зарезала меня, словно курицу!

– Ладно, ладно, не горячись, – примирительно произнес первый и присел над Сарах, – думаю господин Амману не сильно разгневается, если узнает, что ты прибил воров в его лесу. Так что не особенно переживай.

– Эй, Некил, взгляни-ка на нее. Она очухалась! – раздался голос третьего. И он бесцеремонно ткнул древком копья в грудь Сарах.

– Осторожнее, ты! – рявкнул тот, кого звали Некил и оттолкнул товарища, – я вижу тебе, как Мекену не терпится поскорее отравить девицу в царство вечного мрака. Успеете еще, вояки несчастные. Не забывайте, что господин Амману хочет видеть свою добычу. И если она все-таки околеет, то объясняться вам, а не мне.

Сарах все это время безучастно смотрела на троих муж-

чин и по неволе слушала их разговор, но смысл сказанного не доходил до ее сознания.

– Без тебя вижу, не ослеп еще, – огрызнулся Некил, – скорее всего, вам придется нести ее к господину Амману. Она не в состоянии сделать и пары шагов.

В ответ стражники только замахали на него руками:

– Ты наверное разума лишился, – вскричал Мекен, – или ты забыл, как она меня ножом пырнула?! Неизвестно, что ей на этот раз в голову взбредет! Лучше бы господин Амману отрубил бы ей голову или принес в жертву Нанниру!

– Не ной, Мекен, – железным тоном отрезал Некил, – не забывай, что среди нас пока что только один начальник – я. А что делать с воровкой предоставь решать самому господину Амману. Теперь без лишних разговоров берите ее на носилки, и несите, да поскорее. Господин Амману не любит долго ждать.

Глава десятая

Старуху с клюкой, стоявшую в нескольких шагах от лавки Абрам узнал не сразу. Возвращаясь с рынка, он увидел какую-то нищенку и хотел был прогнать ее, чтобы та не отпугивала покупателей, но когда старуха подняла голову, Абрам узнал мать Сарах.

– Не изволит ли достойный воин уделить время никчемной нищенке, – с насмешкой произнесла она, смерив Абрама с ног до головы.

После того, как Абрам, словно сопливый мальчишка, сбежал из дома Сарах, его не покидало чувство стыда, поэтому он не хотел появляться на глаза девушке и уже тем более встречаться еще раз с ее матерью. То, что она вдруг появилась под самыми дверями его лавки, неприятно поразило его.

– Что дало тебе повод, женщина со мной так разговаривать, – холодно ответил Абрам, оглядываясь по сторонам, – никто ли не видит его в обществе оборванной и лишенной ума старухи?

– Ты сбежал из моего дома, словно подстреленный заяц, за которым гонится целая стая волов, – проворковала старуха. Однако в голосе женщины Абрам уловил напряжение. Она явно была чем-то очень сильно расстроена.

– Я не хотел слышать твои безумные речи, – хладнокровно

произнес Абрам.

– А зря, доблестный воин, очень зря, – сказала старуха и приблизилась к Абраму.

– Почему ты называешь меня воином? – спросил Абрам, – если это насмешка, то она неудачна…

– Я никогда ни над кем не смеюсь, – за это карает Тот, Кто все видит…

– Кто же это такой «всевидящий»? – съязвил Абрам, но встретившись взглядом со старухи, пожалел о своих словах.

– Тот, с Кем тебе придется непременно столкнуться, – невозмутимо произнесла мать Сарах, – от тебя, правда, зависит, встретитесь вы как друзья или как враги.

– Что ты хочешь от меня, женщина? – спросил Абрам, беспокойно топчась на одном месте. Не хватало, чтобы Нахор его увидел с таким собеседником, не говоря уже об отце.

– Сарах, эта дрянная девчонка, позавчера ухитрилась угодить в рабство к Амману царскому телохранителю, – прошипела старуха.

Услышав это, Абрам едва удержался на ногах. Догадка мелькнула у него в голове. Опершись о стену, он спросил:

– Она охотилась в лесу Амману?

Старуха молча кивнула.

Абрам опустился на выложенное камнем крыльцо лавки и закрыл лицо руками. Внутри что-то оборвалось и ему захотелось плакать, но он, конечно, не мог себе такое позво-

лить в присутствии матери Сарах. Что делать? Абрам пока не знал. Он был готов разметать дом царского телохранителя по камешку и отправить Амману в долину теней… если бы мог. Но что он может?..

– Не стоит расстраиваться, сын мой, – неожиданно ласково прошелестел голос женщины над ухом у Абрама, – растерянность и страх не решили никогда ни одного дела.

Абрам поднял голову и вопросительно взглянул на старуху. Только сейчас он увидел в ее старческих глазах, прячущихся в густых морщинах те чувства, которые переполняли его самого.

– Поговори с отцом, – продолжала говорить старуха, – он хорошо знает Амману. Возможно, Тераху удастся уговорить царского телохранителя продать Серах…

– Продать?! – изумился Абрам.

Женщина с удивлением посмотрела на него:

– Да, продать, – ответила она, – или ты думаешь, что Амману просто отпустит то, что принадлежит ему теперь по праву? – она горестно вздохнула.

– Но кто ее выкупит? – спросил Абрам, – Амману жаден. Может запросить баснословную суму. Мои сбережения – всего лишь капля в море.

– Я выкуплю Серах за любую сумму, – твердо ответила старуха, и не обращая внимания на удивленный взгляд Абрама, добавила, – теперь мне пора идти. Сделай все, чтобы твоя сестра снова стала свободной, Абрам. Прощай до вре-

мени. Старуха развернулась и поковыляла прочь. Абрам хотел было броситься за ней, но чья-то рука коснулась его плеча. Позади стоял Нахор.

– О чьей это сестре говорила эта нищенка? – спросил он, пристально взглянув на брата.

– Понятия не имею, братец, – как можно более равнодушно ответил Абрам, стараясь привести чувства в норму. Эта женщина, судя по всему, лишена рассудка. Не обращай внимания.

Абрам зашел в лавку.

– Ты не знаешь, когда придет отец? – спросил Абрам.

– Он сейчас решает свои дела во дворце Набонида, – ответил Нахор, продолжая пристально рассматривать брата, – будет после полудня. Он же предупреждал тебя, если мне изменяет память.

Абрам пытался непринужденно вести беседу и не обращать внимания на взгляды Нахора, но у него это не очень хорошо получалось. Он был рассеян и напряжен, что не могло укрыться от брата.

– Ты уверен, что ничего не хочешь мне сказать? – подойдя вплотную к Абраму, внушительным тоном спросил Нахор.

Абрам взглянул на него и тихо произнес:

– У меня много своих проблем, Нахор, ты уж извини, что не могу с тобой поделиться…

– Главное, чтобы твои проблемы не стали проблемами твоей семьи, братец, – холодно ответил Нахор и ушел в дом.

Оставшись в одиночестве, Абрам облегченно вздохнул. Хотя бы строить клоунаду перед братом отпала необходимость. Впереди предстоит нелегкий разговор с отцом. Тот наверняка все разболтает Нахору. Ничего, главное, чтобы отец согласился помочь, а там видно будет…

Когда под конец дня отец появился в лавке, Абрам, взглянув на него, нутром ощутил, что разговор предстоит непростой. Терах вернулся хмельной и в хорошем настроении. Это означает, что дела у него идут неплохо, он самоуверен и горд. По опыту Абрам знал, что в такие моменты великодушие – редкий гость в душе у отца. Но выбора не было. Разговор откладывать не имело смысла.

– По твоей кислой физиономии, – громыхнул Терах, вваливаясь в лавку и распространяя вокруг себя густой запах дорого вина, – догадываюсь, что торговля идет не очень.

– Торговля сегодня идет неплохо, отец, – стараясь казаться непринужденным, ответил Абрам.

Терах внимательно посмотрел на сына:

– Девица, с которой ты блудодействовал третьего дня, – медленно произнес он, – оказалась обыкновенной воровкой. Ее недавно поймали в лесу, принадлежащем царскому волохранителю. Сейчас решается ее судьба, но я не советовал бы тебе в дальнейшем ею интересоваться, – Терах угрожающе поднял кулак, – хватит того, что ты постоянно позоришь меня перед всеми благородными людьми Ура!

– Я люблю эту девицу, – тихо, но уверенно произнес Аб-

рам, глядя отцу в глаза, – ты можешь убедить Амману продать Сарах ее матери?

Несколько мгновений Терах изумленно смотрел на сына. То, что он только что услышал, вероятно, произвело на него такое сильное впечатление, что он не мог выговорить слова и даже протрезвел. Затем подошел к Абраму схватил за плечи и тряхнул что есть силы:

– Ты что же, совсем рехнулся, сын?! – зло прошипел Терах. Хочешь обесчестить мое доброе имя женитьбой на дочери нищенки?

Освободившись от рук отца, Абрам невозмутимо ответил:

– Во-первых, твое доброе имя приобрел для семьи я, а не ты, отец. Я делал и делаю богов, которые приносят тебе деньги. А во-вторых, дочь нищенки – это твоя…

Абрам не успел договорить. Удар кулаком в лицо прервал его тираду.

– Запомни, щенок, – прохрипел Терах, – или ты повинуешься мне, или можешь убираться вон из моего дома! Но если ты настолько обезумел, что выберешь второе, то мое проклятие и проклятие богов, которых ты не уважаешь, рано или поздно настигнет тебя.

Абрам почувствовал, как кровь от разбитого носа заливает ему подбородок. Ярость полноводьем заливала его душу, когда он смотрел на отца. Не обратив внимания, на звон колокольчика над дверями, Абрам произнес:

– Навряд ли твое или тем более проклятие твоих богов

когда-либо настигнет меня. Они мертвы также, как мертва глина и дерево, из которых они сделаны, ты же жалкий лизоблюд без совести и чести!

Сказав это, не помня себя от ярости, Абрам смахнул с полок десяток статуэток, перескочил через прилавок, оттолкнул госпожу Камелию, ставшую невольным свидетелем его речи и скрылся за дверью.

Глава одиннадцатая

Комната, в которую ввели Сарах стражники, была просторна и хорошо освещенная многочисленными бронзовыми масляными светильниками, развешенными на всех четырех стенах. Посреди стояло роскошное широкое ложе, застеленное тонким дорогим шелком из дальних стран и отлично выделанными тигровыми шкурами. На ложе возлежал полноватый человек в богатой одежде чиновника. Его маленькие черные, заплывающие жиром, глаза цепко ухватились за Сарах, как только она появилась в комнате. Девушка без труда узнала в нем царского телохранителя Амману. Когда-то, несколько лет назад она впервые увидела его, когда он был всего лишь преуспевающим торговцем из Баб-или. Хада, мать Сарах, тогда была влиятельной женщиной в Уре, и однажды на одном из банкетов в честь Набонида, она осмелилась поставить заносчивого торговца не место. Как оказалось, Амману не забыл обиды, и спустя несколько лет, добившись правдами и неправдами чина царского телохранителя, подговорил Тасида, жреца Нанниру и Исина, уничтожить Хаду и всю ее семью. Шему, престарелому дяде Сарах, пришлось спасаться из Ура бегством от гнева Амману. Хаде последовать примеру своего брата помешала непомерная гордость. И теперь за это будет расплачиваться не только она, но и Сарах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.